

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

4(13)
2012

Научный журнал

Издается с апреля 2011 года

СЕРИЯ «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук»

Учредитель:

Главный редактор А. В. Бурков

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65-44-01.
e-mail: ujourn@gmail.com.
<http://www.universityjournal.ru>.

Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Бумага офсетная.
Распространяется бесплатно.
Тираж 220 экз.
Дата выхода: 30.05.2012.

ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21.

Редакционная коллегия:

- А. В. Бурков**, д-р экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
(главный редактор)
А. В. Затонский, д-р техн. наук, доцент (Березники).
Л. В. Лукиенко, д-р техн. наук, доцент (Новомосковск).
Н. М. Митюков, д-р техн. наук, доцент (Ижевск).
Н. М. Насыбуллина, д-р фарм. наук, профессор (Казань).
Л. И. Фалюшина, д-р педаг. наук, доцент (Ульяновск).
О. Н. Кондратьева, канд. фил. наук, доцент (Кемерово).
Т. А. Магсумов, канд. истор. наук, профессор РАЕ
(Набережные Челны).
О. В. Белоус, канд. психол. наук, доцент (Армавир).
В. В. Вышкварцев, канд. юрид. наук, доцент (Москва).
И. Д. Котляров, канд. экон. наук, доцент (Санкт-Петербург).
Н. Е. Назарова, канд. техн. наук, доцент (Нижний Новгород).
К. И. Курпаяниди, канд. экон. наук, доцент (Узбекистан).
Г. А. Мамедова, канд. химич. наук, старший научный
сотрудник (Азербайджан).
Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
Т. В. Ялялиева, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).

© ООО «Коллоквиум», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Л. Г. Борисова
Компетентностный подход как связующее звено между образовательным процессом и интересами работодателей.

М. А. Мустафина
Место педагога в современном обществе.

КУЛЬТЫ РИМСКОЙ АРМИИ (авторская серия)

Н. И. Соловьянов
Воины Христа и римская армия.
К дискуссии о присутствии христиан в римской армии во II-III вв.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю. И. Дерябин, В. А. Дерябина
Психологическое пространство личности как образ и символ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. Г. Церцвадзе, Р. В. Мукашева
Исследование лексико-семантической группы фразеологических единиц антропоцентрической направленности в русском и казахском языках.

М. Г. Церцвадзе, А. К. Калабергернова
Концепция творчества в поэзии
Е. Зейферт: авторские мифологемы

О. С. Зубкова
Метафорическая модель «положительное-отрицательное» как лингвосемиотическая единица систематизации информации в социуме.

Е. Г. Никулина
Высокоэмоциональная (аффективная) речь и специфика ее лексического оформления.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Д. А. Разживина
Первая всероссийская перепись населения 1897 года во Владимирской губернии: работа местных переписных органов.

П. А. Сунгуров
Российская полиция: от мифов к реальности.

А. В. Видяева
Политические репрессии против художников Мордовии в филологической науке 30-х гг. XX в.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Л. А. Мамедова
Микеланджело Буонарроти – скульптор или живописец?

Д. Р. Ярченко
Вера в ценность как основание единства личности.

А. В. Гукова, П. И. Григоренко
От кинизма к цинизму

П. И. Григоренко, А. В. Гукова
Отчуждение как социально-философская проблема.

Е. С. Скрябина
«Апология сумасшедшего»: лексико-семантический анализ текста.

Информация для авторов

CONTENTS

NEW APPROACHES IN EDUCATION

L. G. Borisova
Competentness approach as the link between educational process and interests of employers.

M. A. Mustafina
Place of a teacher in a contemporary society.

ROMAN MILITARY CULTS (author's series)

N. I. Solovianov
Soldiers of Christ and Roman army. On discussion about the presence of Christians in the Roman army in II-III centuries.

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Yu. I. Deryabin, V. A. Deryabina
Psychological space of a personality as an icon and a symbol.

PHILOLOGY ISSUES

M. G. Tsertsvadze, R. V. Mukasheva
Research into lexical and semantic group of anthropocentric phraseological units in Russian and Kazakh languages.

M. G. Tsertsvadze, A. K. Kalabergenova
Concept of creativity in E. Zeifert poetry: author's mythologemas.

O. S. Zubkova
Metaphorical model of «positive-negative» as linguistic and semantic unit of information systematization in a society.

E. G. Nikulina
Highly emotional (affective) speech and specific character of its lexical arrangement.

PAGES OF HISTORY

D. A. Razzhivina
First all-Russia population census of 1897 in Vladimir province: work of local census bureau.

P. A. Sungurov
Russian police: from myths to reality.

A. V. Vidyayeva
Political repressions against Mordovia artists in philological science in 1930-s.

FRESH VIEW

L. A. Mamedova
Is Michelangelo Buonarroti a sculptor or a painter?

D. R. Yarchenko
Belief in value as the basis for the unity of personality.

A. V. Gukova, P. I. Grigorenko
From cynicism to cynic.

P. I. Grigorenko, A. V. Gukova
Alienation as social and philosophical problems.

E. S. Skryabina
«Apologia of a madman»: lexical-semantic analysis of the text.

Information for the authors

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 378.4

Л. Г. Борисова

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ И ИНТЕРЕСАМИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Глобализация экономики, развитие рынка труда стали предъявлять все более согласованные требования. Работодатель требует смешения учебного и жизненного контекстов, ситуация на рынке труда диктует необходимость увязать то, что делается в вузе с успешностью на рабочем месте, степень действительной развитости или сформированности данной компетентности в ситуации естественной жизни. Термин «компетентность» – своего рода социальное признание, был навязан педагогическому сообществу работодателем. В статье рассмотрены различные подходы к методике формирования компетенций выпускников.

Ключевые слова: компетентностный подход, ключевые компетенции, работодатель, образовательная парадигма, компетентность, самообразование, самооценка.

Важной сферой компетентности в отечественном образовании является сфера творческого саморазвития, самоорганизации, самообучения. На сегодняшний день компетентностный подход заявлен одним из приоритетных в образовательной политике и опирается не столько на строго научное понятие, сколько на понятие «компетенции». В мировой образовательной практике понятия: «компетентность», «компетенции» как цели образования, выдвигаются в последние годы в качестве центральных понятий. Само понятие возникло в США в процессе изучения опыта работы выдающихся учителей и стало результатом многочисленных попыток проанализировать его, разработать концептуальную основу, что связано с анализом запроса работодателей. Так на семинарах, проводимых в рамках проекта «Среднее образование в Европе», подчеркивалось, что Совет Европы не классифицирует, а называет ключевые компетенции, которые должны быть у нынешнего поколения выпускников в объединяющейся Европе. Это компетенции, касающиеся жизни в многокультурном обществе: понимание различий, уважение друг друга, способность жить с людьми других культур, языков, религий; политические и социальные компетенции: способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, участвовать в функционировании и в улучшении демократических институтов и т.п.

В нашей стране выдвигается идея о том, что в процессе обновления содержания высшего образования, в качестве основных его целей, будет положено развитие или формирование у студентов так называемых «ключевых познавательных компетентностей». Однако недостаточная разработанность компетентностно-ориентированного подхода требует самого широкого обсуждения в профессиональном сообществе целого ряда вопросов о месте компетенции в ряду других результатов образования, о необходимости переориентации вуза на формирование ключевых компетенций студентов и об оценке сформированности у них компетенций. Компетентностное образование – очень противоречивая тема. Актуальность компетентностного обучения в вузе очевидна. Глобализация экономики, развитие рынка труда стали предъявлять все более

согласованные требования. Рынку труда необходим хорошо подготовленный работник, в послужной список которого должны входить и такие ключевые компетентности, как умение общаться с людьми, умение решать проблему, умение планировать свой рабочий день. Таким образом, работодатель требует смешения учебного и жизненного контекстов. Термин «компетентность» – это своего рода социальное признание, был навязан педагогическому сообществу работодателем. В современных условиях ситуация на рынке труда диктует необходимость увязать то, что делается в вузе с успешностью на рабочем месте. Традиционная формула «хорошо знаешь математику – будешь хорошим инженером» пошатнулась, и работодатель вложил в понятие «компетентность» прагматический смысл. Другими словами, он заставил задуматься и школу и вуз: насколько студент будет продуктивен и компетентен в своей профессиональной деятельности при выходе из учебного заведения?

Частое использование терминов: «компетентностный подход», «компетентность», «компетенция» в педагогической литературе вызывает необходимость аналитического рассмотрения компетентностного подхода, внедряемого в российское образование. Компетентностный подход вошел в систему образования в связи со сменой Российской образовательной парадигмы, включением России в Болонский процесс, что в свою очередь обусловлено общеевропейской и общемировой тенденцией интеграции и глобализации мировой экономики. Это предполагает определенную терминологическую унификацию с западными странами.

В педагогическом сообществе существует несколько тенденций в обсуждении этих понятий. Компетентностный подход задает набор компетенций, которыми должен обладать и преподаватель и студент.

Самообразование требует развития и внедрения разнообразных форм самостоятельной работы, рассчитанных на условия аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности студентов. Это должно происходить через критерии, влияющие на развитие творческого потенциала студентов: проблематизация содержания самостоятельных работ, рефлексия, самостоятельность, научный и профессиональный интерес, научная активность, познавательная самостоятельность, самооценка. Это потребует определенной реорганизации учебного процесса, в частности:

а) разработки новых методических подходов и технологий, позволяющих студентам в кратчайшие сроки и наиболее эффективным образом сформировать учебные компетенции;

б) пересмотра содержания обучения на предмет его обновления и перераспределения материала, предназначенного для самостоятельного овладения и овладения под руководством преподавателя;

в) модернизации и развития технологий оптимального использования различных средств обучения (включая учебные видеоматериалы и видеопрограммы, мультимедийные программы и ИНТЕРНЕТ ресурсы).

Одним из основных требований компетентностного подхода является развитие у студентов системы понятий на основе единого подхода к организации усвоения знаний, приемов и способов их усвоения по основам наук, предметов профтехцикла и производственного обучения.

Компетентностный подход подчеркивает практическую, действенную сторону и акцентирует внимание на результатах образования – компетентности. Компетентностный подход был внедрен в практически всех развитых странах, такие как США, Англия, Франция. В компетентностном образовании, несмотря на некоторые разногласия в подходах, специалисты США определяют три основных компонента: знания, умения и ценности, где понятие компетентности выступает в качестве центрального, своего рода «ключевого» понятия, так как компетентность, во-первых, объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющие образования; во-вторых, в понятии компетентности заложена идеология интерпретации содержания образования, формируемого «от результата» как «стандарт на выходе»; в третьих, ключевая компетентность обладает интегративной природой, ибо она вбирает в себя ряд однородных или близкородственных умений и знаний, относящихся к широким сферам культуры и деятельности (информационной, правовой и проч.).

Например, в США, приветствуя желание общественности видеть в сфере образования высококомпетентных специалистов, сложилась традиция приема преподавателей на работу по результатам тестов, в содержании которых выделяются пять основных аспектов:

- 1) основные умения;
- 2) общий кругозор (знания в области искусства, литературы, истории);
- 3) знание преподаваемого предмета;

4) знания в области педагогики, психологии и философии;

5) мастерство преподавателя (этот аспект, однако, часто подвергается критике, и его признают неадекватным, так как трудно учесть все элементы педагогического мастерства).

В основу реформ английского образования был положен компетентностный подход, в котором можно говорить о выделении в нем ключевых компетентностей, разбитых на две группы: коммуникационные (вычислительные навыки, работа с информационными технологиями) и ключевые компетентности широкого профиля (работа в группе, умение принимать решение и так далее). В Англии существует такой важный элемент как «квалификация в области ключевых компетентностей».

Во Франции кроме понятия «компетенция», употребляется еще одно понятие – «минимальная компетенция» или «минимальный багаж» знаний, умений и навыков. Требовать приобретения одинаковых компетенций для всей группы одного возраста, не учитывая разницу в склонностях, социальном контексте и окружении, нереально.

В отношении понятия «педагогическая компетенция», анализ и обобщение французских педагогических исследований дают основание считать, что это понятие рассматривается как синтез знаний, педагогических умений и профессиональных способностей, которые адекватны определенному типу ситуаций или ситуативных задач, обеспечивающих успех деятельности.

Компетентностный подход включает в себе «знания декларативного, процедурного и поведенческого характера» и проявляется в ситуациях как эффективное действие. Представление о компетенции изменяет мышление об оценке и квалификации. Проблема отбора базовых (ключевых, универсальных) компетентностей является одной из центральных для обновления содержания образования.

Например, материалы по ключевым компетенциям, разработанные в Англии экзаменационным Советом Кембриджского университета, предназначены для выпускников школ и/или сотрудников предприятий, соискателей соответствующего квалификационного сертификата, а также для самодиагностики, самообучения и развития любого желающего. Материал имеет общую структуру диагностики для всех компетентностей, а также определяет степени освоения или развития соответствующей компетентности. В соответствии с конечной целью – определить степень действительной развитости или сформированности данной компетентности в ситуации естественной жизни, то есть профессиональной деятельности или учения, а не только в ситуации экзамена.

Если результатом образования считать «сумму знаний» – усвоенную информацию, то логика движения к этому результату такова: от простой, доступной информации к более сложной и к способам ее упорядочения.

Если результатом образования считать «способность действовать, разрешая проблемные ситуации», то логика движения такова: усложняются задачи, стоящие перед студентом.

Принципиальное отличие разрабатываемой концепции стандарта от имеющейся ранее предметноориентированной концепции состоит в попытке реализовать средствами стандарта личностную ориентацию образования, его деятельностно-практическую и культурологическую составляющую, сохранив традиционную фундаментальность и универсальность.

Общепредметный образовательный минимум разрабатывается на основе целей общего образования и охватывает четыре элемента содержания образования:

- опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов – знаний;
- опыта осуществления известных способов деятельности – в форме умений действовать по образцу;
- опыта творческой деятельности – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях;
- опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений – в форме личностных ориентаций.

Освоение этих четырех типов опыта позволяет сформировать у студентов способности осуществлять сложные культуросообразные виды действий, которые в современной педагогической литературе носят название компетентностей.

Статья поступила в редакцию 27.04.2012.

БОРИСОВА Люция Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии машиностроения, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный».

УДК 37.01

М. А. Мустафина

МЕСТО ПЕДАГОГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Решение проблем в профессиональной деятельности педагога всегда считались сложными. На современном этапе существуют научно обоснованные виды решения этих проблем. Одной из важнейших задач педагогов должно быть – выявление имеющихся интересов, развитие и воспитание интереса к знаниям у школьников.

Ключевые слова: профессионализм, педагогическое мастерство, педагогическое творчество.

Профессиональный педагог – это единственный человек, который большую часть своего времени отводит на обучение и воспитание детей. Остальные взрослые люди, включая родителей ребенка, заняты своими профессиональными проблемами и домашними заботами и не могут много времени уделять детям. Если бы обучением и воспитанием детей не занимались педагоги, то через несколько поколений общество прекратило бы свое развитие. Новое поколение людей оказалось бы просто недостаточно подготовленным для того, чтобы поддерживать социальный, экономический и культурный прогресс.

В современном цивилизованном обществе педагог является фигурой, которая требует особого внимания, и там, где его место занимают недостаточно профессионально подготовленные люди, в первую очередь страдают дети, причем потери, которые здесь возникают, обычно невозможны. Это требует от общества создания таких условий, чтобы среди учителей и воспитателей оказывались люди, которые наиболее подготовлены интеллектуально и морально к работе с детьми, а это по плечу далеко не каждому человеку. Более или менее законченный отрезок педагогического процесса в классно-урочной системе обучения – это урок. Что такое урок? До настоящего времени в педагогической науке преобладающим является мнение, согласно которому урок – это систематически применяемая для решения задач обучения, воспитания и развития, учащихся форма организации деятельности постоянного состава учителей и учащихся в определенный отрезок времени. Урок – это форма организации обучения с группой учащихся одного возраста, постоянного состава, занятие по твердому расписанию и с единой для всех программой обучения. В этой форме представлены все компоненты учебно-воспитательного процесса: цель, содержание, средства, методы, деятельность по организации и управлению и все его дидактические элементы. Сущность и назначение урока в процессе обучения как целостной динамической системы сводится, таким образом, к коллективно-индивидуальному взаимодействию учителя и учащихся, в результате которого происходит усвоение учащимися знаний, умений и навыков, развитие их способностей, опыта деятельности, общения и отношений, а также совершенствование педагогического мастерства учителя. Тем самым урок, с одной стороны, выступает как форма движения обучения в целом, с другой, как форма организации обучения, предопределяемая основными требованиями к организационному построению урока учителем, вытекающими из закономерностей и принципов обучения. Рождение любого урока начинается с осознания и правильного, четкого определения его конечной цели – чего учитель хочет добиться; затем установления средства – что поможет учителю в достижении цели, а уж затем определения способа – как учитель будет действовать, чтобы цель была достигнута.

Что же такое цель и когда, какие цели урока ставит учитель? Общепринято в науке, что цель – это предполагаемый, заранее планируемый (мысленно или вербально) результат деятельности по преобразованию какого-либо объекта. В педагогической деятельности объектом преобразования является деятельность обучающегося, а результатом – в уровень обученности, развитости и воспитанности учащегося. Цель урока в современной школе должна отличаться конкретностью, с указанием средств ее достижения и ее переводом в конкретные дидактические задачи. Дидактические задачи урока реализуются в реальной педагогической действительности через учебные задачи (задачи для учащихся). Это решение учащимися арифметических задач, выполнение всевозможных упражнений, разбор предложений, составление плана пере-

сказа и т.п. Эти задачи отражают учебную деятельность учащихся в конкретных учебных ситуациях.

Специфика педагогического творчества заключается в том, что его должно рассматривать как сотворчество учителя и ученика, несмотря на то, что они субъекты разных видов деятельности. В. И. Загвязинский так пишет об этом: «Учитель занят педагогическим творчеством (хотя его педагогические идеи и замыслы часто реализуются в иных областях деятельности – литературной, технической, научной), ученик – предметным (изобразительным, литературно-художественным, техническим и т.д.). Важно, что совпадение характера (при неполном совпадении предмета) деятельности и рождает сотрудничество, сотворчество, духовную близость, сопричастность к общему делу, возможность и необходимость обмена опытом между учителем и учеником» [1, с. 144]. Сочетание умений и знаний педагога, их взаимосвязь способствуют гармоническому единству внутреннего содержания деятельности учителя и внешнего его выражения.

Мастерство педагога – в синтезе духовной культуры и педагогически целесообразной внешней выразительности. Мастерство – то великое чудо, которое рождается мгновенно, когда педагог во что бы то ни стало должен найти оригинальное решение, обнаружить педагогический дар, веру в бесконечные возможности человеческого духа! Доктор педагогических наук Ю. П. Азаров утверждает формулу мастерства, сущность которой в триаде: технология, отношения и личность. Мастерство не выносит болтовни. Оно непременно должно замыкаться на материальной стороне дела – технологией. Эта технология должна быть запущена без промедления, ибо благодаря этому создаются отношения, а эти отношения формируют учителей и детей при общении [2, с. 195]. Чтобы прийти к такой технологии и к такой системе отношений, когда взрослые доверяют детям, а дети готовы всегда прийти на помощь взрослым, необходимо истинное педагогическое творчество, необходима та особая вера и в свои силы, и в силы своих коллег, и в силы детей, которая непременно снимет страх, предаст мажорный настрой всем педагогическим действиям, утвердит логику радости и борьбы за лучшие идеалы жизни школы.

А. С. Макаренко говорил: «Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе, а потому, что видит вас, слушает вас» [3, с. 211]. Фундаментом развития профессионального мастерства педагога выступает профессиональное знание. На основании профессионального знания формируется педагогическое сознание – принципы и правила, определяющие действия и поступки педагога. Можно выделить следующие профессиональные знания:

- знание своего предмета;
- знание психолого-педагогических дисциплин;
- знание методики обучения и воспитания;
- знание достоинств и недостатков своей личности и деятельности.

И. П. Волков говорит о том, что творчеству нужно учить и ставит вопрос – что значит «учить творчеству»? По его мнению, дать единое, точное, приемлемое для всех случаев определение творческой деятельности нельзя, «так как проявления человеческой деятельности настолько многообразны, что сколько-нибудь четкой границы между творческой деятельностью и высоким уровнем мастерства провести нельзя» [4, с. 129]. Творческий потенциал личности педагога формируется на основе накопленного им социального опыта, психолого-педагогических и предметных знаний, новых идей, умений и навыков, позволяющих находить и применять оригинальные решения, новаторские формы и методы и тем самым совершенствовать исполнение своих профессиональных функций. Только эрудированный и имеющий специальную подготовку учитель на основе глубокого анализа возникающих ситуаций и осознания сущности проблемы путем творческого воображения и мысленного эксперимента способен найти новые, оригинальные пути и способы ее решения. Но опыт убеждает, что творчество приходит только тогда и только к тем, кто добросовестно относится к труду, постоянно стремится к повышению профессиональной квалификации, пополнению знаний и изучению опыта лучших школ и учителей. Не о каждом педагоге можно сказать, что он – ярко выраженная индивидуальность и тем более индивидуальность творческая. Эта характеристика заключается в неповторимости, своеобразии, необычности, уникальности, проявляющихся в поведении, деятельности и ее результатах. Творческая индивидуальность педагога проявляется главным образом в системе отношений «учитель – ученик», в неуловимых интимных аспектах их взаимодействия, во влиянии на духовно-культурную атмосферу образовательного учреждения. Творческая индивидуальность педагога позволяет создавать гибкие, вариативные технологии, «густо замешанные на личностных качествах» [5, с. 63]. Для учителя чрезвычайно важно уметь быть выразительным во всех

своих проявлениях, уметь находить адекватную внешнюю форму выражения переживаемых им чувств, эмоций. Поэтому педагогу необходимо научиться не бояться определять словами, выразительными движениями, мимикой то, что трудноуловимо в произведении искусства – его красоту, тончайшее кружево его образов.

Каждый учитель хочет, чтобы его ученики хорошо учились, с интересом и желанием занимались в школе. В этом заинтересованы и родители учащихся. Но подчас и учителям, и родителям приходится с сожалением констатировать: «не хочет учиться», «мог бы прекрасно заниматься, а желания нет». В этих случаях мы встречаемся с тем, что у ученика не сформировались потребности в знаниях, нет интереса к учению. В чем сущность потребности в знаниях? Как она возникает? Как она развивается? Какие педагогические средства можно использовать для формирования у учащихся интереса к знаниям? Эти вопросы волнуют многих педагогов и родителей. Учителя знают, что школьника нельзя успешно учить, если он относится к учению и знаниям равнодушно, без интереса. Поэтому интересы учащихся надо формировать и развивать. Рассматривая вопрос об интересе учащихся к изучению математике, надо затронуть такие очень важные вопросы этой проблемы как: сущность интереса, его значение в обучении, особенности подросткового возраста и какие интересы им присущи. Интерес школьников к учению является определяющим фактором в процессе овладения ими знаниями. Великие педагогические классики всех времен подчеркивали первостепенное значение в обучении интереса, любви к знаниям. Интересное обучение не исключает умение работать с усилием, а, наоборот, способствует этому. Поэтому, одной из важнейших задач педагогов должно быть – выявление имеющихся интересов, развитие и воспитание интереса к знаниям у школьников.

Проблема интереса в обучении не нова. Значение его утверждали многие дидакты прошлого. В самых разнообразных трактовках проблемы в классической педагогике главную функцию его все видели в том, чтобы приблизить ученика к учению, приохотить, «зацепить» так, чтобы учение для ученика стало желанным, потребностью, без удовлетворения которой немислимо его благополучное формирование. Главный вид этой деятельности – учение, в процессе которого происходит систематическое овладение знаниями в предметных различных областях, приобретение и совершенствование способов (умений и навыков) познавательной деятельности, трансформирование целей, выдвигаемых обществом, школой, в мотивы деятельности самого учения. Современный опыт ведения урока в школе убедительно показывает, что учитель может быть истинным творцом только тогда, когда ежеминутно связывает неразрывной нитью сыгранное, пропетое или высказанное им со своим внутренним миром, со своим отношением к звучащему, со своим жизненным опытом. Если учитель, продумывая урок, не берет в качестве «материала» самого себя, свои чувства, мысли, опыт, то, как ему обрести грань между внешним – холодным, равнодушным, и внутренним – глубоко пережитым, прочувствованным? «Чтобы стать мастером, преобразователем, творцом, учителю необходимо овладеть закономерностями и механизмами педагогического процесса. Это позволит ему педагогически мыслить и действовать, т.е. самостоятельно анализировать педагогические явления, расчленять их на составные элементы, осмысливать каждую часть в связи с целым, находить в теории обучения и воспитания идеи, выводы, принципы, адекватные логике рассматриваемого явления; правильно диагностировать явление – определять, к какой категории психолого-педагогических понятий оно относится; находить основную педагогическую задачу (проблему) и способы ее оптимального решения [6, с. 276]. Профессиональное мастерство приходит к тому учителю, который опирается в своей деятельности на научную теорию.

Библиографический список

1. Загвязинский, В. И. Исследовательская деятельность педагога / В. И. Загвязинский. – М.: Академия, 2008.
2. Азаров, Ю. П. Радость учить и учиться / Ю. П. Азаров – М.: Политиздат, 1989.
3. Макаренко, А. С. О воспитании / А. С. Макаренко. – М.: Политиздат, 1990.
4. Волков, И. П. Учим творчеству / Волков И. П. – М.: Просвещение, 1989.
5. Гильманов, С. А. Творческая индивидуальность учителя / С. А. Гильманов. – Тюмень, 1995.
6. Педагогика / В. Слостенин, И. Исаев и др. – М.: Академия, 2002.

Статья поступила в редакцию 26.04.2012.

МУСТАФИНА Майгуль Адильбековна – кандидат педагогических наук, доцент, Университет международного бизнеса (UIB) (Казахстан, г. Алматы).

КУЛЬТЫ РИМСКОЙ АРМИИ

УДК 937.07

Н. И. Соловьянов

ВОИНЫ ХРИСТА И РИМСКАЯ АРМИЯ. К ДИСКУССИИ О ПРИСУТСТВИИ ХРИСТИАН В РИМСКОЙ АРМИИ ВО II-III ВВ.*

Статья посвящена проблеме службы христиан в римской армии во II-III вв. Мы считаем, не может быть и речи о массовом присутствии христиан в строевых частях римской армии не только во II в., но и в III в. т.е. до религиозных реформ императора Константина Великого.

Ключевые слова: *религия римской армии, христианство, христиане в римской армии.*

С 2004 г. на страницах научных изданий и в Интернете развернулась дискуссия о возможности службы христиан в римской армии, вызванная новым обращением к произведениям христианского апологета Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана, современных исследователей А. Д. Пантелеева, А. В. Колобова, К. В. Дрязгунова, А. Е. Негина и др.

А. Д. Пантелеев отмечает, что к концу II века существовало определенное число христиан-военных; не стоит преувеличивать их количество, но то, что они существовали – несомненно, так как ранние христианские авторы, находившиеся в рамках Церкви, якобы спокойно относились к воинской службе, не видя в этом какой бы то ни было проблемы. Основанием для беспокойства являлась лишь возможность идолопоклонства – отступничества от христианства, – осознанного или неосознанного [12. с. 417]. Т.е. почему бы им не быть, раз Отцы церкви это не запрещали, а лишь немного опасались.

Не избежали подобных рассуждений и выше названные исследователи XXI в., построившие свои гипотезы на придуманных Тертуллианом, для полемики с предполагаемыми оппонентами эпизодах [18. S. 127 etc.; 9.; 7]. Они подходят к проблеме с позиций менталитета современных христиан: почему бы им не послужить ненавистному Отечеству за деньги, ведь легионеры, а еще более ветераны и не только легионов, но и строевых вспомогательных частей (ауксиларии), являлись в эпоху Империи одними из самых обеспеченных и уважаемых граждан государства.

Задаваясь вопросом однобоко: могли ли христиане служить в римской армии, они не задумываются над тем, а могла ли профессиональная императорская армия, всецело преданная

© Соловьянов Н. И., 2012.

* Статья продолжает цикл публикаций, посвященных исследованию культов римской армии (См.: Соловьянов, Н. И. *Культы римской армии в Британии* / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2011. – № 8 (8). – С. 44-47; Соловьянов, Н. И. *Культы римской армии на постэллинстическом пространстве империи в I-III вв.* / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2012. – № 1 (10). – С. 39-42; Соловьянов, Н. И. *Культы римской армии в римско-италийском регионе* / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2012. – № 2 (11). – С. 31-38; Соловьянов, Н. И. *Культовая практика высших должностных лиц римской армии в I-III вв.* / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2012. – № 2 (11). – С. 39-43; Соловьянов, Н. И. *Культовая практика младшего командного и рядового состава римской армии в I-III вв.* / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2012. – № 3 (12). – С. 20-26).

«Римскому мифу» и Императору принять в свои ряды идеологически и сословно чуждые элементы.

Тема весьма интересна, но далеко не нова, в том числе и в отечественной историографии, незнание чего не красит некоторых участников прений, заявивших об эксклюзивности своих рассуждений и запрете использования их материалов без письменного согласия авторов. Сами же они обвинений в плагиате, надо полагать не боятся.

Вопрос об отношении христиан к службе в римской армии впервые был поднят немецким ученым А. Гарнаком. В 1905 году он опубликовал исследование «Воины Христа. Христианская религия и солдатская служба в первые три столетия». Поскольку христиане, с его точки зрения, составляли даже в IV в. не более 10% населения римской державы, во II-III вв. их было ещё меньше и в римской армии их были единицы. [15]

Далее тема была подхвачена нашим соотечественником рязанским исследователем, прошедшим стажировку в Германии, А. Карышевым. В 1914 году он опубликовал реферат «Отношение христиан первых трех веков к военной службе (до Константина Великого)», в котором утверждал, что христиане относились к военной службе отрицательно [8, с. 1-12].

В 1977 г. к этой проблеме обратился Джон Хелгеланд. Ему принадлежит исследование «Христиане и римская армия от Марка Аврелия до Константина». Тщательный анализ нарративных источников позволил автору выявить лишь пять неоспоримых случаев присутствия христиан в римской армии, относящихся к концу II – началу IV вв. н. э. [16, Р. 724-834].

Итальянский историк Амброджио Донини отмечал, что косвенно на отрицательное отношение христиан к военной службе указывают гонения на них. До сер. III в. эти гонения носили локальный характер и имели место лишь в приграничных районах Империи, в местах боевых действий или прилегающих к ним территориях и были вызваны отказом христиан выполнять повинности в пользу армии, то есть они не носили идеологического характера. Это не были преследования за веру. Лишь со времени императора Деция (эдикт 250 г.) гонения приобретают общегосударственный характер [6, с. 92, 107-179].

Но и в этом случае, считаю я, их нельзя признать целенаправленно идеологическими. Общеизвестно, что язычеству не присуща религиозная нетерпимость. Все древние цивилизации, начиная с шумеро-вавилонской, имели четкую внешнеполитическую установку: воевать можно только с людьми (т.е. равными и подобными себе), с богами воевать нельзя. Римляне знали и свято чтит эти традиции предшественников, поэтому важную роль в формировании римского пантеона играл обряд *evocatio deorum* (заклинание богов). Перед началом войны разведчики, большей частью, – как и в нынешние времена, – торговцы, узнавали, к каким богам, с какими мольбами и дарами обращаются их будущие противники, и старались переманить этих божеств на свою сторону, многократно увеличив подношения, после чего Боги неприятеля торжественными заклинаниями вызывались из стана врага, а противники предавались проклятию. Только после совершения этих обрядов римляне были уверены, что в войне с безбожниками, лишёнными божественной поддержки и защиты, их ждет легкая Победа. Более того, перед началом войны римляне даровали свободу рабам той страны, на которую собирались напасть, субсидировали их на покупку участка земли на хоре Рима, т.е. за пределами городской ежегодно опахиваемой арвальскими братьями полосы (черты). После этого глава коллегии жрецов-фециалов, ведавший дипломатическими сношениями, вонзал в «чужеземные владения» копьё с серебряным наконечником (священное оружие Марса) в знак объявления войны. До противника эту весть должны были донести освобожденные рабы. Став побогаче, а в конце II в. до н. э. и «господами мира», они поступали проще: захватывали и перевозили в Город (читай – *Urbs = Roma*) жрецов и священные реликвии иноземных Богов, строили им храмы по образцам их Родины. К концу республиканского, а точнее полисного периода, количество богов и священных духов не поддавалось исчислению, но у каждого был ублажающий его потребности служитель, иначе беда: голодный небо – или – подземный житель будет мстить, требуя к себе внимания. Легенды гласят, что в ларарии Септимия Севера находилось даже изображение Христа или, может быть, непонятного для римлян единого Бога-Спасителя иудеев Ягве. Поэтому император Деций I, точнее Гай Мессий Квинт Траян (249-251 гг.), был искренне уверен, что причина бедственного положения Отечества кроется в непочтительном отношении к богам, всем без исключения. Его эдикт обязывал свободнорожденных граждан державы справками, выдаваемыми жрецами, подтверждать участие в религиозных церемониях (молебнах, жертвоприношениях, шествиях, пиршествах, строительстве храмов, установке алтарей, статуй, в том числе и ему, как Императору и Отцу Отечества). Для истинных христиан это было идолопоклонничеством и святотатством. Они не участвовали, справок не получали и априори провоз-

глашались виновниками всех бед, обрушившихся на римскую Империю на ряду со всем остальным сбродом.

В 1986 г. этой проблемы в своей кандидатской диссертации коснулся и ваш покорный слуга (См. окончание публикации).

Уважаемые современные авторы опубликовавшие, да и просто прочитавшие не один десяток серьёзных научных работ отечественных и зарубежных авторов о римской военной организации, вдруг представляют нам римскую профессиональную императорскую армию наёмным сбродом куда, как в современную политическую партию, можно было прийти и записаться, а во время страшной кровавой сечи с маркоманами стоять в сторонке и молится какому-то еврейско-иудейскому толи богу, толи герою, толи чужестранцу-проповеднику, приговоренному к смертной казни их же синедрионом.

А ведь существовал особый менталитет и у римлян, а тем более у профессиональных и потомственных, всецело преданных идее Величия Рима и Императора, солдат и офицеров главной опоры Империи – армии. Могла ли веками отработанная в военном и идеологическом (читай, религиозном) плане римская военная машина допустить в свои ряды деклассированных и идеологически чуждых бедняков, ведь богатые христиане вряд ли мечтали видеть своих отпрысков с оружием в руках в качестве жертвенных животных Марса, каковыми считались римские легионеры. Да и служба длилась не год-полтора, а 25 и более лет. К тому же, как утверждает Дж. Хеллеланд, религия римской армии имела строгую регламентацию и была направлена на решение внутренних задач армии, идеологическую подготовку воинов, воспитание идеального солдата – дисциплинированного, бесстрашного, преданного Риму и Императору [17. Р. 1470-1505.]. Вряд ли в этой идеологической машине могло найтись место для богочеловека Иисуса Христа.

Важным аспектом в решении любой исследовательской задачи является наличие достоверной источниковой базы.

Выдающийся знаток латинской эпиграфики второй половины XX в. Елена Михайловна Штаерман, отмечала, что зачастую молодые ученые строят свои концепции на ярких, но единичных, описанных в нарративных источниках (чаще всего уже переведенных на современные языки) исторических эпизодах, а не на массовых и не вызывающих сомнений в их достоверности эпиграфических материалах, дошедших до нас в оригинале, а не в сомнительных средневековых списках тысячелетней давности.

Именно в не критическом отношении к историческим источникам я вижу причину, мягко выражаясь, сомнительных концептуальных построений А. В. Колобова, К. В. Дрягунова и А. Д. Пантелеева, построивших свои гипотезы на придуманных Тертуллианом для полемики с оппонентами эпизодах. Не могло быть победных молебей христиан легиона XII Молниеносного, так как за неучастие в сражении даже одной контубернии (живших в одной палатке 8 легионеров) весь легион должны были подвергнуть децимации (казни каждого десятого). К тому же молебны и гадания совершались от имени всей армии главнокомандующими, т.е. императорами или их легатами, накануне сражения. Тоже и с отказом легионера – христианина надеть при принятии присяги императорскую донативу в виде серебряного венка, предпочтя мученическую смерть за веру. Языческие религии не преследуют инакомыслящих. У всех известных нам древних народов и особенно у римлян, мы наблюдаем отсутствие религиозной нетерпимости, характерной лишь для мировых религий, особенно для христиан. Ну никак! эти вымышленные Тертуллианом эпизоды не могут свидетельствовать о массовом присутствии христиан в римских легионах не только во II в., но даже и в III в. Да и христианская символика появляется на вооружении римских воинов не ранее 312 г. [11, с. 2-6]

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, родившись как гласит легенда, в *римском* Карфагене в сер. II в. в семье отставного римского центуриона, был воспитан в языческом духе, получил шикарное образование, которое завершал в Риме, и готовился к воинской карьере. Его владение латинской письменностью доказывает незаурядность ума и талант пропагандиста. Именно в Вечном городе он вероятно и подцепил христианскую заразу. По возвращению – двойственность: или служить в армии или Христу. Его ранние произведения компромиссны: возможно и то, и это. Только одно препятствие – идолопоклонничество, т.е. публичное поклонение языческим идолам: знаменам, статуям, оргии и жертвоприношения. Отказ от этого для римлян святотатство. Наказание – смерть, так как это может вызвать гнев не ублажённых богов, в том числе и твоего Иисуса Христа и иудейского Ягве. Богов всяких разных необходимо ублажать и кормить. Воином он не стал. Ярым христианином, врагом своих бывших соотечественников – да.

Опять же попасть в легион с улицы, погнавшись за легкими деньгами, не будучи урожденным римским гражданином, особенно до эдикта Каракаллы от 212 г., скрыв своё происхождение от следователей пробацио, означало только одно – смертную казнь. Довольно расхожее мнение, что, начиная с реформ Мария в римскую армию набирали кого попало, совершенно неверно. Совет по смотру войск, называвшийся «пробацио», тщательно проверял молодого рекрута на предмет его этнического и социального происхождения. Как сообщает Вегеций, к добровольцу предъявлялись определенные требования по физическому и интеллектуальному развитию [1, I, 5.]. Будущий легионер должен был хорошо видеть и слышать, что являлось очень важным на поле боя. Кроме того, молодой человек в возрасте от 18 лет до 21 года, желающий служить в армии, проверялся на знание латинского языка, умение читать, писать и считать. Немалое значение играло и сословие, из которого происходил будущий легионер. Тем более что, по подсчетам исследователей, для пополнения 26 легионов ежегодно требовалось не так уж много новобранцев – всего около 6 тыс. абсолютно здоровых физически и морально преданных идее «Римского мифа» и Императору 17-20-летних юношей. В эпоху ранней Империи римляне ни разу не прибегали к принудительному набору в легионы. Хватало добровольцев.

Добровольцами в армию главным образом шли сыновья ветеранов. Но перед тем как приступить к воинским обязанностям, даже они подвергались проверке: новобранцы сообщали свои имена, год рождения и особые приметы. Все это было обязательным. Устанавливалось гражданское состояние добровольцев: не только рабы, даже дети вольноотпущенников, как и дети людей позорных профессий (например, содержателей непотребных домов, гладиаторов) не допускались к службе в армии [2, X, 30, 2]. Как и во времена республики, военная служба была долгом и привилегией римского гражданина. Легионы составлялись целиком из урождённых римских граждан. Во флоте и пожарных командах могли служить и отпущенники, но рабов в солдаты не брали. Раба, скрывавшего свое происхождение и пробравшегося в солдаты, казнили [2, X, 29, 1].

Римская армия, ставшая профессиональной в конце Республики, никогда, даже в IV в. не была наёмной, ибо жалование строевому воину и плата наемнику далеко не одно и то же. С эпохи Августа даже ауксилиа стали строевыми, а значит по подбору личного состава, вооружению и боеспособности практически не уступали легионам [13, с. 138]. Исключение составляли племенные ополченцы нумеров и симмахиарий, чем попало экипированные и вооруженные. Эти подразделения формировались на период конкретной войны, для грабежа, возглавлялись своими племенными вождями и распускались после победного окончания военных действий, если не разбежались раньше. Не исключаю, что среди них могли быть рано христианизированные по арианскому образцу ост- и вестготы, с конца II в. нанимавшиеся на пограничную службу в Империю в качестве федератов.

За столетие исследований религии римской армии обнаружено лишь несколько эпиграфических памятников, которые указывают на присутствие христиан в частях римской армии до конца III в. Все они надгробные, а потому не совсем ясно, были ли воины христианами в период службы или приняли христианство позднее, а, может быть, христианская символика на памятнике – пожелание родственникам. Все памятники датируются рубежом III-IV вв.

Например:

1. ILS 2811. Испания. III в. (Христианский крест) Бурайдон воин нумера, военный стрелок из Регнума прожил в миру 40 лет, воевал 22 года. Спи спокойно.
2. ILS 2790. Италия. III в. (Христианский крест) Памяти Флавия Зиперия трибуна нумера счастливый военный препозит светлый умерший, в миру член трибуната Русга 12 лет.
3. ILS 2789. Италия. III в. (Монограмма Христа (рыба) с нехарактерными для греческой эпиграфики лигатурами от А до Ω). Доброй Памяти. Дердий, бывший военный трибун ... сделал для себя и супруги.

Таким образом, не может быть и речи о массовом присутствии христиан в строевых частях римской армии не только во II в., но и в III в. т.е. до религиозных реформ столь любимого Отцами церкви императора Константина Великого.

Это обстоятельство вполне объяснимо.

Прежде всего, следует учесть, что отношение к христианской религии до начала IV в. оставалось частным делом ее жителей, в том числе и императоров и она не имела широкой популярности в среде полноправных римских граждан. Я. А. Ленцман, ссылаясь на подсчеты Гарнака [10, с. 220], отмечал, что в начале IV в. христиане вряд ли составляли более 10-15% населения римской державы. Соответственно, количество христиан во II-III вв. было значительно

меньше. Н. И. Голубцова, посвятившая проблемам распространения христианства отдельную главу своей монографии, пришла к выводу, что христианство ранее всего и более всего распространилось в восточных провинциях Римской империи, откуда оно проникло в Рим и западные провинции. Однако до начала IV в. в Северной Италии, Испании, Британии, Германии, Дунайских областях, где и стояли римские войска, оно заметной роли не играло. Христианская религия имела успех лишь среди граждан, выходцев из восточных провинций, главным образом греков. Так, например, в Риме до середины III в. христианская община была греческой. Христианские авторы писали на греческом языке. Христиан было много лишь в крупных городах, расположенных на морском побережье [5, с. 128], где римских войск практически не было (Н. И. Соловьянов).^{*} Е. С. Голубцова в своей монографии, посвященной идеологии сельского населения Малой Азии, также утверждает, что в I-III веках христианство не было воспринято общиной, в целом не отказавшейся от своих исконных богов – покровителей. Это, с её точки зрения, доказывает тот факт, «что из всех христианских надписей ни одна не поставлена от имени общины. Все известные надписи – «индивидуальные» и поставлены либо одним каким-то человеком, либо членами одной семьи» [4, с. 182-187]. А ведь именно сельское население с сер. II в. (с реформ Антонина Пия) служило основным поставщиком рекрутов для римской императорской армии. Слово «паганый» (от лат. *paganus* – житель сельского округа) стало у христиан нарицательным для обозначения приверженцев старых, языческих культов. [14, с. 17]

С другой стороны, христиане отрицательно относились к службе в римской армии, являвшейся оплотом «великой блудницы» – Римской империи. К тому же обязательное публичное отдание почестей легионным святыням ассоциировалось с идолопоклонничеством.

Библиографический список

1. Вегетий Ренат, Флавий. Краткое изложение военного дела / пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетики. Флавий Вегетий Ренат. – СПб., 1996. – 351 с.
2. Плиний Младший. Письма: Кн. I-X / изд. подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. 2-е изд. – М.: Наука, 1982.
3. Desau H. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini. Vol. I-IV. (ILS)
4. Голубцова, Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III веков / Е. С. Голубцова. – М., 1977.
5. Голубцова, Н. И. У истоков христианской церкви / Н. И. Голубцова. – М., Наука, 1967. – 144 с.
6. Дониш, А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / А. Дониш: Пер. с ит. И. И. Кравченко. – М., 1979.
7. Дрязгунов К. В. К проблеме распространения христианства в Римской армии // Дрязгунов К. В. Религия, философия и наука. 5 мая 2009 г. / www.roman-glory.com/dryazgunov-xristianstvo-v-rimskoj-armii. (sic! = ???!?!)
8. Карышев, А. Отношение христиан первых трех веков к военной службе (до Константина Великого) / А. Карышев. – Рязань, 1914.
9. Колобов, А. В. Римская армия и христианство (II-начало IV в. н. э.) / А. В. Колобов. URL: kidmsu08.ucoz.ru/publ/8-1-0-15. = raх-barbarorum.ru>rome/kolobov_army.doc
10. Ленцман, Я. А. Происхождение христианства / Я. А. Ленцман. – М., АН СССР, 1960. – 267 с.
11. Негин, А. Е. Христианская символика в римской армии IV в. / А. Е. Негин // Воин. – 2006. – № 4. – С. 2-6.
12. Пантелеев, А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертулиана / А. Д. Пантелеев // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 3. – Санкт-Петербург, 2004.
13. Рубцов, С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I-начало II вв. н. э.) / С. М. Рубцов. – СПб., 2003. – 247 с.
14. Соловьянов, Н. И. Культы римской армии в Нижней Мезии и Фракии / Н. И. Соловьянов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М., 1986. – 21 с.
15. Harnak A. Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905.
16. Helgeland J. Chriatianus and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // ANRW II, 23, 1. P. 724 – 834.
17. Helgeland J. Roman Armi Religion // ANRW II, 16, 2. P. 1470 – 1505.

^{*} Во внутренних, сенатских провинциях, строевые части не размещались (Прим. автора).

18. Wypustek – Krzyzowski A. Chrzescjane a armia rzymska – «De corona militis» Tertuliana // Pod znakami Aresa i Marsa / Red. E. Dabrowa. Krakow, 1995. S. 127 etc.

Статья поступила в редакцию 24.02.2012.

СОЛОВЬЯНОВ Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.6

Ю. И. Дерябин, В. А. Дерябина

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ОБРАЗ И СИМВОЛ

Главная идея статьи в том, что синтез образа и символа психологического пространства личности есть форма ее самоопределения в культуре современного социума. Такой аспект анализа позволяет увидеть символичность образа психологического пространства как определенной структуры ценностей – идеалов личности.

Ключевые слова: образ, символ, психологическое пространство, предметные ценности, ценности-идеалы.

Современное общество характеризуется возрастанием влияния индивида на социальные процессы. При этом связь личности и социального статуса теряет свой устойчивый характер, увеличивая тем самым степень неопределенности существования человека в обществе. Это, в свою очередь, порождает в самосознании личности новый образ жизненного пространства, которое меняет не только свой привычный «ракурс узнавания», но и становится непривычным для индивида, адаптированного к прежним условиям. Переоценка ценностей всегда является сложным в психологическом отношении процессом, порождая у человека чувства одиночества, бессмысленности, апатии. Чтобы не потерять себя в изменчивом мире, индивиду необходимо суметь выстроить в своем сознании целостный и законченный образ своего психологического пространства. Образ выступает формой самовыражения личности. Любая психологическая реальность, восстанавливающая динамическое равновесие индивида с окружающей средой, с неизбежностью обнаруживает себя в целостных образах. Качество целостности привносит в образ символ. Новизна трактовки образа авторами настоящей работы состоит в неразрывной его связи с символом. Этим объясняется авторский подход к психологическому пространству как образу и символу. Такой ракурс исследования психологического пространства дает возможность, на наш взгляд, рассматривать его в качестве духовной опоры личности в столь стремительно меняющемся окружающем мире. Поэтому формирование нового символа и образа психологического пространства должно идти через освоение индивидом жизнеутверждающих ценностей культуры. Не насилие и разрушение, а созидание и творчество как раскрытие своих сил и способностей на благо общества должно занять главное место в качестве ценностной основы образа и символа психологического пространства личности. В рамках настоящей работы нас будет интересовать не само по себе психологическое пространство как таковое, а только те аспекты, которые помогут понять специфику его в качестве универсальной социальной ценности. В ракурсе решения обозначенной проблемы сформулируем ряд теоретических положений.

Говоря о психологическом пространстве, необходимо видеть его различие с условиями окружающей среды. Психологическое пространство отличается от последних тем, что включает в себя ценности, смыслы, образы и символы, в которых выражается степень значимости тех объектов и явлений, которые окружают личность. В соответствии с этим психологическое пространство можно определить как систему значимых объектов и условий окружающей среды

для человека, а также моделей его поведения и взаимодействия между людьми. Эта система возникает в результате деятельности человека, обусловленной индивидуально значимыми, ценностными категориями своего духовного бытия. Психологическое пространство индивида, на наш взгляд, составляет мир конструируемых им ценностей, символов, образов, а не объектов и условий, которые безразличны ему. В процессе безопасного взаимодействия с изменяющейся социальной средой человек должен осуществлять прежде всего нравственную оценку материально – предметной реальности. Избирательно воспринимая и оценивая соответствующие объекты и условия физического и социального пространства, человек ранжирует последние по степени индивидуальной значимости и ценности, «помещая» их в свое психологическое пространство. Таким же образом происходит пристрастное преобразование и иных условий жизнедеятельности, которые обретают в психологическом пространстве образно-символическое содержание.

С целью дополнения и некоторой конкретизации сказанного можно выделить такую проблему, как различие личности и психологического пространства. Чтобы стать личностью, нужно создать, открыть себя в пространстве своей жизни. Психологическое пространство как ценность может обнаруживать себя на этапах становления, формирования и развития личности и буквально вырываться наружу при резких переходах от одного жизненного этапа к другому. При этом оно может прерываться, заменяться новым в результате своеобразной переоценки ценностей, когда объекты и условия, ранее включенные в психологическое пространство, заменяются иными. И это является закономерным. Однако возникает вопрос: существует ли стабильное психологическое пространство или оно вслед за изменениями личности обречено также на неустойчивость, подчиняясь особенностям нашего поведения в различных ситуациях межличностной интеракции. Отвечая на поставленный вопрос, выделим идею о том, что психологическое пространство лежит в основе целостности жизненного пути, выступая основанием единства множества его проявлений. Поэтому человек стремится поддерживать неизменную структуру и состав своего психологического пространства, связывая в единую и последовательную систему смыслы, ценности, образы, символы. Каждый из перечисленных компонентов играет здесь свою роль. Главным цементирующим фактором в этой системе выступает символ психологического пространства. Чтобы обосновать данное предположение, обратимся к анализу тесно связанному с символом понятию «образ психологического пространства». В нем, на наш взгляд, находит выражение способность человека достаточно быстро реагировать на меняющиеся социальные реалии, не теряя при этом себя в качестве целостной личности. При этом возникает проблема идентичности личности. Это связано с тем, что динамичный, быстро меняющийся мир порождает поиск личностью своей идентичности, точнее, своего постоянного образа. Однако чтобы осуществлять поиск своей идентичности, ее надо иметь. Этот поиск предполагает целостный взгляд на мир и самого себя, что лежит в основе творчества собственной индивидуальности, т.е. саморазвития. Потеря целостности в восприятии своей индивидуальности лишает человека возможности саморазвиваться. Следовательно, целостный образ психологического пространства должен быть введен в теорию саморазвития личности. «Человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется с каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [2, с. 88.]. Поэтому саморазвитие, будучи сложной формой деятельности и одновременно состоянием самосознания индивида, выступает в качестве стержня психологического пространства. Это первое. Второе. Уровень саморазвития личности может использоваться как один из критериев оценки совершенства ее духовного мира. Представляется возможным полагать, что различные формы психологического пространства есть не что иное, как модусы саморазвития личности. В силу этого можно выдвинуть гипотезу о наличии связи между уровнями саморазвития личности и видами психологического пространства. Учет такой связи открывает возможности анализа жизненного пути личности как творчества собственной индивидуальности.

Понятие «образ психологического пространства» обозначает единство устойчивых, неповторимо уникальных и самобытных особенностей человека, так и тех из них, которые раскрывают его открытость к изменениям. Образ – это всегда тождественность самому себе, воспроизводство специфики собственной структуры при различного рода изменениях. Если бы этого не происходило, человек не смог бы осознавать этапы своего развития. Индивид не может обнаружить свою индивидуальность без поиска способов по сохранению своего отличия от окружающих по мере изменения реальности. В этом проявляется открытость образа психологического пространства для различного рода преобразованиям и внутренним изменениям. Идет постоянный поиск оптимального соотношения, целостности внутренних особенностей личност-

ного пространства и их внешних проявлений. Человек всегда незавершен в своем развитии, он не тождественен самому себе в предметных образах своего психологического пространства. При этом отношения образа психологического пространства с изменчивой социокультурной реальностью могут быть выстроены на умении человека не просто сохранить свою неповторимую сущность, но и обрести новые измерения этого образа, соединив в единую систему многогранные стороны своей индивидуальности. В этом контексте психологическое пространство предстает как одновременно изменчивое и устойчивое образование: конкретный образ человека и его многозначный символ.

Осознание смысла существования через понимание своей идентичности позволяет человеку выстроить адекватный, реальный, по возможности, лишенный самообмана образ самого себя. Последнее связано с этапом формирования символа психологического пространства. Символ всегда служит указателем на то или иное идеальное состояние действительности. Рассмотрение психологического пространства без символического содержания привело бы к исключению из его образа идейной направленности. Символ имеет и определенное сходство с образом, без образного компонента он существовать не может. В реальной жизни образ и символ психологического пространства тесно переплетаются между собой. Однако символ личностного психологического пространства отличается от его образа тем, что он не просто отражает то, какова индивидуальность в реальности, каковы ее интересы, потребности, ценности в настоящем, а каков принцип, вектор их изменения в будущем. С этой точки зрения представляется необходимым рассматривать развитие психологического пространства в контексте стремления индивида к ценностям – идеалам. Но само по себе это стремление может отставать от наличных социальных изменений, теряя при этом способность обеспечивать безопасное бытие личности в том или ином обществе. В современной культуре именно все больше складывается ситуация, когда образ индивидуальности задается в качестве законченного, но не целостного, следовательно, закрытого для диалога феномена. При этом теряется соотносительность реального образа с символом, когда возникают копии, знаки, не имеющие отношения к оригиналу. В связи с этим представляет интерес идея Ж. Бодрийера о подмене символов симулякрами как единицами неподлинного смысла, функционирующего в современной культуре. В своей теории Ж. Бодрийер обосновывает положение о том, что симулякры – это знаки без денотатов, создающие особую условную (симуляционную) реальность, которая подменяет настоящую социокультурную реальность. Обмен между знаками и реальностью в современной культуре прекращается, так как «симулякры берут верх над историей» [1, с. 122], «ликвидируя нас вместе с историей» [1, с. 94]. Культура представляет нам зачастую образ такого человека, который отчужден от творчества собственной индивидуальности. И происходит это потому, что природа любого творчества коренится в открытости человеческого сознания миру. Это особое качество сознания являет собой его символический уровень, объединяющее различные пласты реальности психологического пространства в единое целое.

Особо актуальным в этом плане становится исследование образа психологического пространства в качестве атрибута безопасного социального бытия. Все вышесказанное можно отнести и к символу психологического пространства. Структура символа этого вида пространства одновременно может выступать форматом существования его образа в данной культуре. Осмысление символа психологического пространства позволяет по-новому взглянуть на универсальность таких ценностей, как добро и зло, долг и совесть, честь и достоинство, справедливость, свобода и ответственность, прекрасное и безобразное. Данные феномены в качестве не просто предметных ценностей, а ценностей-идеалов включаются нами в содержание символа психологического пространства. И происходит это потому, что символ по своей сути является многозначным феноменом. Осмысление и переживание его значимости для себя лично может выступать в качестве идеалов (эталона) совершенствования индивидуальности. Решение проблемы конкретного содержания ценностей-идеалов связано с обнаружением и анализом реально существующих возможностей осмысления смысла избранного жизненного пути в рамках современной культуры. Перед современной культурой стоит задача не только в том, чтобы найти те формы психологического пространства, которые будут способствовать изменению индивидуальности, но и сохранить те ценности-идеалы, без которых возникает угроза ее существованию.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / пер. с франц. С. Н. Зенкина. – М.: Добросовет, 2000. – 387 с.
2. Мамардашвили, М. К. Философия – это сознание вслух / М. К. Мамардашвили // Сознание и цивилизация. – М.: Азбука, 2011. – 288 с.

Статья поступила в редакцию 23.04.2012.

ДЕРЯБИН Юрий Иванович – кандидат философских наук, доцент, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.

ДЕРЯБИНА Валентина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811

*М. Г. Церцвадзе, Р. В. Мукашева***ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ**

В данной работе рассмотрели фразеологизмы русского и казахского языков, относящихся к человеку, выяснили, что таких фразеологизмов много как в русском, так и в казахском языке. Наиболее продуктивной в русском языке является лексико-семантическая группа фразеологизмов с компонентом «рука», а в казахском языке – ЛСГ с компонентом «глаза». В наименее продуктивную группу входят фразеологизмы с компонентом «рот» в русском языке, с компонентом «бет» в казахском языке. Продуктивность и непродуктивность тех или иных фразеологизмов, возможно, связаны с мировидением казахов и русских.

Ключевые слова: *фразеологизмы-соматизмы, фразеологические единицы, человеческий фактор, названия частей человеческого тела, сопоставляемые языки, национальные факторы.*

Среди выразительных средств любого языка особое место занимают фразеологические единицы. Фразеология дает исследователю уникальную возможность проникнуть во внутренний мир человека, выявить его основные культурные, нравственные ценности, главные особенности национального характера. Рассматривая фразеологический состав любого языка, можно заметить, что значительное количество фразеологизмов формируется из компонентов слов, соотносимых с названиями частей человеческого тела, так называемых соматизмов. Человеческий фактор играет в словообразовании огромную роль, так как большинство фразеологизмов имеет антропоцентрическую направленность. Человек стремится наделять человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Предметом данного исследования являются фразеологические единицы антропоцентрической направленности с компонентами-соматизмами в русском и казахском языках

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение русской и казахской фразеологии в сопоставлении очень важно для полиязычной личности, повышает его культуру и знание языков и языковых явлений. Еще в древности человек соизмерял окружающий мир с частями своего тела, в частности, с головой, руками, ногами, используя их в переносном значении, люди более полно передают свои мысли и чувства, поэтому названия частей тела являются важным объектом исследования современной лингвистики. Данные единицы образуют фразеологическую подсистему и покрывают сферы общей понятийной соотнесённости в сопоставляемых языках при их анализе выявляются как общие черты, присущие человеческому коллективу независимо от языковой принадлежности, так и специфические особенности, обусловленные экстралингвистическими, в частности, национальными факторами.

Цель данного исследования заключается в выявлении сходств и национальных различий соматизмов в русском и казахском языках с точки зрения межъязыковой эквивалентности на основе анализа их лексико-семантических особенностей. Материал исследования опирается на

такие источники, как Учебный фразеологический словарь русского языка Быстрова Е. А. (1997). Русская фразеология Жукова В. П. (1986), Фразеологический словарь русского языка (1994), Қосымова К., Жақанбаева Т. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі (2001); использован также полевой материал. В ходе исследования применялись методы компонентного, контрастивного, сравнительно-сопоставительного анализа рассматриваемых фразеологических единиц. Научная новизна и самостоятельность заключаются в том, что сделана попытка классифицировать фразеологизмы русского и казахского языков и определить их сходства и различия. В работе освещается степень продуктивности указанных именных компонентов в образовании фразеологических единиц. Сопоставление концептов «сердце», «голова» и «душа» в таких типологически разнотипных языках, как кабардино-черкесский и английский, показывает особенности их этнокультурного выражения в сопоставляемых языках. В современной лингвистике большое внимание уделяется семантике соматических фразеологизмов, так как она выражает антропоцентрическую направленность. «Антропоцентрическая парадигма в языкознании, нашедшая свою реализацию в лингвистике, рассматривает язык как факт общественного сознания данного этноса, которое по-своему членит, отражает в языке окружающий мир и определяет ментальность базового носителя этого языка» [2].

Человек познает мир при помощи органов чувств, благодаря которым он получает информацию об окружающем его мире, ориентируется в нем и преобразует его сообразно своим потребностям. Более того, «...чтобы ориентироваться в действительности, приспособить вещи к своим целям, человек сначала классифицирует их по определенным признакам, расчленяя мир на определенные части. Роль языка не ограничивается расчленением вещи. При непосредственном участии языка происходит также классификация внешне различных вещей в одну группу по их сходным характеристикам. Элементарной формой расчленения языком действительности выступает именование» [3]. Одной из первых в изучении соматизмов является работа Ф. О. Вакк (1964), посвященная фразеологизмам эстонского языка, составным элементом которых являются названия частей тела человека, и послужившая отправной точкой в описании соматической номинации в целом. По мнению Ф. Вакк, «чаще всего употребляются именования тех частей тела, функции и значение которых очевидны, например, голова, глаза, рот, зубы, руки, ноги и др.» и они «являются основными тематическими группами» в пределах более широких лексико-семантических групп» [7]. Грамматический и семантический аспекты функционирования соматизмов в разных языках освещаются в работах: С. Е. Исабекова – фразеосемантическая группа соматических фразеологических единиц в немецком и казахском языках (1977) [13]; Н. В. Куницкой – одновершинные французские и молдавские соматические фразеологизмы (1985) [15]; У. С. Хван – семантическая деривация от названий частей тела человека способом метонимии и метафоры (1987) [25]; В. М. Богусловского – специфика оценочной картины мира и ее лексикографическое отражение на материале оценочных прилагательных, характеризующих величину и форму глаза (1988) [4]; А. С. Ташауова соматические названия в языке «Кодекс куманикус» и их лексико-семантические группы (1995) [23] и др. Названия частей тела, нашедшие отражение во фразеологизмах, описываются рядом лингвистов: А. А. Исаев рассматривает соматические фразеологизмы узбекского языка (1971) [11]; О. Назаров сопоставляет соматические фразеологизмы русского и туркменского языков (1973) [21]; Ю. А. Долгополов анализирует соматическую фразеологию русского, английского и немецкого языков (1973) [9]; Р. М. Вайнтрауб сравнивает соматическую фразеологию в славянских языках (1975) [8]; Я. Р. Раджаев подвергает анализу фразеологические единицы с соматизмом «губа» в русском и узбекском языках (1976) [20]; Э. И. Мордкович исследует белорусскую соматическую фразеологию (1977) [18]; М. Н. Азимова выявляет соматическую лексику и фразеологию таджикского и английского языков (1980) [2]; Н. В. Джанелидзе проводит анализ соматической фразеологии немецкого языка в сопоставлении с грузинским (1981) [10]; Н. Федуленкова освещает проблемы общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков (английский, немецкий, шведский) (1982) [24]; Ц. В. Бибилейшвили сравнивает французские и грузинские соматические фразеологизмы (1987) [5] и др. Особого внимания заслуживают сопоставительные исследования соматической номинации в трудах казахстанских лингвистов. М. Х. Абилгалиева выявляет наиболее существенные сходства и различия в структуре и семантике соматических фразеологизмов казахского и немецкого языков (1993) [11]. Как считает А. Х. Мерзлякова, сопоставительное изучение «... лексических групп нескольких языков постоянно находится в сфере научных интересов отечественных лингвистов...., но, несмотря на обилие подобных работ, они по-прежнему сохраняют свою актуальность, так как позволяют не только выявить системные отношения внутри определенных ЛСГ, но и обнаружить специфиче-

ские и общие черты в характере номинации в разных языках, в способах вербализации концептов, а также языковых картин мира» [19]. Исследование соматической номинации представляется актуальной для контрастивной лингвистики, так как изучение соматического фразеологического фонда гетероморфных языков по-прежнему выявляет лингвистические лакуны, что также подтверждается нерешенностью некоторых проблем в сфере соматической номинации и необходимостью более глубокой и всесторонней разработки проблем определения ее семантического поля с целью упорядочения, унифицирования, функционального адаптирования.

Материалом и источником нашего исследования послужили данные картотеки, составленной методом сплошной выборки из русских, казахских словарей («Учебного фразеологического словаря» Е. А. Быстровой, «Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі» Қосымовой Г., Жақанбаевой Т.).

Фразеологизмы относящиеся к человеку мы взяли из «Учебного фразеологического словаря» Е. А. Быстровой. Словарь содержит около 800 фразеологизмов русского языка. Фразеологизмы, относящиеся к человеку, разнообразны по своему значению, что позволило нам произвести их семантическую классификацию. В результате этой классификации нами выявлено 9 групп, которые мы условно обозначили ЛСГ с компонентом «нога», ЛСГ с компонентом «рука», ЛСГ с компонентом «рот», ЛСГ с компонентом «глаза», ЛСГ с компонентом «уши», ЛСГ с компонентом «голова», ЛСГ с компонентом «лицо», ЛСГ с компонентом «сердце», ЛСГ с компонентом «нос». К составу ЛСГ с компонентом «нога» мы отнесли следующие фразеологизмы: ставить/поставить на ноги, со всех ног, сбиться с ног, связывать по рукам и ногам, с головы до ног, идти в ногу, встать с левой ноги, вверх ногами, валиться с ног. (Всего 9 фразеологизмов). В ЛСГ с компонентом «рука» вошли следующие фразеологизмы: сложа руки, правая рука, как без рук, руки опускаются, руки не дойдут, махнуть рукой, рука об руку, разводить/развести руками, на скорую руку, не покладая рук, сойти с рук, с пустыми руками, опустить руки, рукой подать, мастер на все руки, из первых рук, из рук вон, золотые руки, взять в руки, брать/взять себя в руки, валиться из рук. (Всего 22 фразеологизма) К составу ЛСГ с компонентом «рот» нами отнесены следующие фразеологизмы: хлопот полон рот, из уст в уста, и в ус не дуть. (Всего 3 фразеологизма) В составе ЛСГ с компонентом «глаза» вошли следующие фразеологизмы: в глаза не видел, во все глаза, бросаться в глаза, не верить <своим> глазам, открыть глаза, краем глаза, закрыть глаза, и даже глазом не ведет, хоть глаз выколи. (Всего 9 фразеологизмов) Следующие фразеологизмы нами отнесены в лексико-семантическую группу с компонентом «уши»: пропускать мимо ушей, краем уха, не верить ушам, наострить уши, не видеть как своих ушей. (Всего 5 фразеологизмов). ЛСГ с компонентом «голова» составляют следующие фразеологизмы: вылететь с головы, голова на плечах, вешать голову, голова пошла кругом, выбросить из головы, голова закружилась, каша в голове, очертя голову, не выходить из головы, лезть в голову, приходиться в голову. (Всего 11 фразеологизмов). В лексико-семантическую группу с компонентом «лицо» мы отнесли следующие фразеологизмы: лица нет, в поте лица, лицом к лицу, открытое лицо. (Всего 4 фразеологизма.) В состав ЛСГ с компонентом «сердце» вошли следующие фразеологизмы: взять за сердце, всем сердцем, сердце болит, принимать близко к сердцу, скрепя сердце, с легким сердцем, кошки скребут на сердце, положила руку на сердце. (Всего 8 фразеологизмов) К составу ЛСГ с компонентом «нос» мы отнесли следующие фразеологизмы: заруби на носу, с гулькин нос, вешать нос, водить за нос, клевать носом, не видеть дальше своего носа, комар носа (-у) не подточит (Всего 7 фразеологизмов). Исследовав данные фразеологизмы, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивной в русском языке является группа фразеологизмов с компонентом «рука» (22 фразеологизма) Меньше всего фразеологизмов с компонентом «рот» (3 фразеологизма). Фразеологизмы казахского языка, относящиеся к человеку. Фразеологизмы, относящиеся к человеку, мы взяли из «Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі» Қосымовой Г., Жақанбаевой Т. Разнообразие значений фразеологизмов казахского языка тоже позволило нам распределить их в ЛСГ. В результате этой классификации нами выявлено 10 групп, которые мы условно обозначили ЛСГ с компонентом «бет», ЛСГ с компонентом «қол», ЛСГ с компонентом «құлақ», ЛСГ с компонентом «бас», ЛСГ с компонентом «жүрек», ЛСГ с компонентом «көз», ЛСГ с компонентом «аяқ», ЛСГ с компонентом «тіл», ЛСГ с компонентом «алақан», ЛСГ с компонентом «ауыз». К составу ЛСГ с компонентом «бет» мы отнесли следующие фразеологизмы: бетінен иманы тамған, бетіне күйе жакты, бетінен қакты, бетінен алды, бетінен боздағы шықты, бетіне келді, бетінен басты, бетімен жүрді, бетінен арын төкті, бетіне кіреуке болды, беті қатты (Всего 11 фразеологизмов). В состав ЛСГ с компонентом «қол» вошли следующие фразеологизмы: қол жұмыс, қол кесер, қол қайыр, қолқама қол салма, қол жуды болды, қол жайды, қол қанат болды, қол жалғады, қол жетпес, қол көтерді, қол жиды,

кол жаулық, кол жетті, кол көрді, кол жұмсады, кол жүрді, кол емес (Всего 17 фразеологизмов). К составу ЛСГ с компонентом «құлақ» мы отнесли следующие фразеологизмы: құлағын түрді, құлағына салды, құлағын алды, құлағын шулатты, құлағының тесігі бар ма, жоқ па, құлағын сатты, құлағы тарс бітті, құлағынан күн көрінеді, құлағы теріс біткен, құлағын бұрады, құлақ аспады, құлағына құйды, құлағын қатырды (Всего 13 фразеологизмов). В лексико-семантическую группу с компонентом «бас» вошли следующие фразеологизмы: басынан жүгенін сыпырды, басында еркі жоқ, басынан құс ұшырмады, басына шырмау салды, басына тиді, басын ашты, басынан кешті, басын бұрды, басын бақты, басына үй тікті, басына нокта киді, басынан құсы кетті, басында дәурені тұрды, басын берді, басына сырық салмады, басынан күн, аяғынан ай туды, басына тас қойды (Всего 17 фразеологизмов) К составу ЛСГ с компонентом «жүрек» мы отнесли следующие фразеологизмы: жүрек сыры, жүрек жалғады, жүрек жұтқан, жүрегі шайылды, жүрегі суып қоя берді, жүрегі толықсыды, жүрек кесті, жүрек тоқтатты, жүрек қылын шертті, жүрегі тас төбесіне шықты, жүрекке жылы тиді, жүрек қалдиады, жүрек қыжылдады, жүрегі тебіренді, жүрекке ас батпады. (Всего 15 фразеологизмов). В состав ЛСГ с компонентом «көз» вошли следующие фразеологизмы: көзін тапты, көзін сүзді, көзіне ілінбеді, көзін тартып алды, көзіне шөп салды, көз байлады, ала көзімен атты, көз ашып, жүрек жуады, көзін қысты, көзіне ілмеді, көзінің астымен қарады, көзін қарайтты, көзін жасқа толтырды, көзін сатты, көзін көгертті, көзге жылы көрінді, көзінің ағы мен қарасы, көзге жылпың, сыртқа қылпың көрінді, көзбен атты, көзге алмады, көзбен шалды, көз болды, көзбен жеді, көзін іздеді, көз аспады, көз ашқызбады, көз бояды, көзге көрінбеді, көз бояушы, көзге басылды, көзбен көрген анық, құлақпен естіген танық (Всего 32 фразеологизмов). Следующие фразеологизмы мы отнесли к составу ЛСГ с компонентом «аяқ»: аяғынан тік тұрды, аяғы бір желмеді, аяғынан келді, аяғы жетті, аяғын андап басты, аяғына қан түсті, аяғына аяғынан бас ұрды, аяғынан алды, аяғынан тік қойды, аяғына кісен салды, аяғымен жер тіреді, сабылды (Всего 12 фразеологизмов) Следующие фразеологизмы: тілімнің ұшында тұр, тілі қышыды, тілімен қос ұстаған, тілі бидай қуырды, тілін тістетті, тілі ашы, тілі байлады, тілін білді, тілі келмеді, тілі қысқа, тілі майда, тілі жоқ, тілі өткір мы отнесли к составу ЛСГ с компонентом «тіл». (Всего 13 фразеологизмов) К составу ЛС «алақан» мы отнесли следующие фразеологизмы: алақаны жазық, алақанын жайды, алақанынан түспеді, алақанға қойғандай, алақанына салды, алақанында өсті, алақанына түкірді, алақанына қаратты, алақанға қарады, алақанға тұрды, алақан қышуы басылған жоқ, алақанның аясындай (Всего 12 фразеологизмов). К составу ЛСГ с компонентом «ауыз» мы отнесли следующие фразеологизмы: аузы ауыр, аузы ашық, аузы күйді, аузы дуалы, аузың аққа тимегір, аузы аққа жарымады, аузы-аузына жұқпады, аузы жеңіл, аузы кепті, аузы жарымаған, аузы епті, ала қаптың аузын аш, аузы кеппеді (Всего 13 фразеологизмов). По нашим наблюдениям, наиболее продуктивной является группа фразеологизмов с компонентом «көз» (32 фразеологизма) Меньше всего фразеологизмов с компонентом «бет» (11 фразеологизмов). Изучив фразеологизмы русского и казахского языков, мы выяснили, что и в русском, и в казахском языках выделяются фразеологизмы, в составе которых есть компонент «части тела человека». В содержательном отношении наблюдается некоторое сходство, так в казахском языке есть фразеологизм: Тілімнің ұшында тұр, в русском языке есть тот же фразеологизм: стоит на кончике языка или же вертится на языке. Также в такую группу можно отнести фразеологизмы Короткая рука в русском языке, а его эквивалент в казахском – Қолы қысқа. Если взять какую-то одну из групп, например, ЛСГ с компонентом «рука», то ей будет соответствие не только в аналогичной группе, но и в группе «язык». То же самое наблюдается в группе «лицо». В русском языке: рука чешется (сущ+гл, предл.); короткая рука (прил+сущ, словосочетание); открытое лицо (прил+сущ, словосочетание) В казахском языке: тілі қышыды (сущ+гл, предл.); тілі қысқа (прил+сущ, словосочетание); аузы ашық (прил+сущ, словосочетание). Оказывается, что различий больше. Рассмотрим их. 1. В русском языке нет фразеологизмов с компонентом «алақан». Следовательно, в русском языке меньше групп – 9, в казахском языке – 10 групп. 2. В русском языке наиболее продуктивной является группа фразеологизмов с компонентом «рука», а в казахском языке наиболее продуктивной является группа фразеологизмов с компонентом «глаза». В казахском языке по сравнению с русским языком фразеологизмов с компонентом «рука» меньше. 3. Если в русском языке наиболее продуктивной является группа фразеологизмов с компонентом рука – 22 фразеологизма, то в казахском языке наиболее продуктивной является группа фразеологизмов с компонентом «глаза» – 32 фразеологизма. 4. Если сравнивать группу фразеологизмов русского и казахского языков в количественном отношении, то, например, в группе с компонентом «глаза» русского языка – 9 фразеологизмов, то в казахском – 32 фразеологизма.

Данная исследовательская работа позволила сделать ряд выводов: проанализировав фразеологизмы русского и казахского языков, относящихся к человеку, прежде всего, выяснили, что таких фразеологизмов много как в русском, так и в казахском языке. Наиболее продуктивной в русском языке является лексико-семантическая группа фразеологизмов с компонентом «рука», а в казахском языке – ЛСГ с компонентом «глаза». В наименее продуктивную группу входят фразеологизмы с компонентом «рот» в русском языке, с компонентом «бет» в казахском языке. Продуктивность и непродуктивность тех или иных фразеологизмов, возможно, связаны с мировидением казахов и русских. Этому вопросу мы хотим посвятить следующую нашу научную работу. Также мы выяснили, что во фразеологии обоих языков есть не только различия, но и сходства. Например, есть эквивалентные фразеологизмы, они имеют одинаковые лексические значения. Некоторые ЛСГ имеют соответствие не только в аналогичной, но и в другой группе.

Библиографический список

1. *Абилгалиева, М. Х.* Сопоставительные исследование соматической фразеологии казахского и русского языков / М. Х. Абилгалиева. – Алматы, 1992. – 26 с.
2. *Азимова, М. Н.* Сопоставительный анализ соматической лексики и фразеологии таджикского и английского языков / М. Н. Азимова: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Душанбе, 1980. – 26 с.
3. *Ахметжанова, А. И.* Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков / А. И. Ахметжанова, Р. Е. Валиханова. – Алматы, 1999. – 137 с.
4. *Богусловский, В. М.* Специфика оценочной картины мира и ее лексикографическое отражение (на материале оценочных прилагательных, характеризующих величину и форму глазаа оценочной картины мира и ее лексикографическое отражениеителным в современном / В. М. Богусловский // Актуальные проблемы общей семантики и семантики русского языка: материалы межвузовского науч. конференции. – Ташкент, 1988. – Ч. 1. – С. 69-70.
5. *Библейшвили, Ц. В.* Типологическое сопоставление французской и грузинской типологии (на материале соматической фразеологии) / Ц. В. Библейшвили: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Тбилиси, 1987. – 23 с.
6. *Быстрова, Е. А.* Учебный фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова. – М.: АСТ, 1997.
7. *Вакк, Ф. О.* О соматической фразеологий в современном эстонском языке / Ф. О. Вакк: автореферат: дис. канд. ... филол. наук. – Таллинн, 1964. – С. 6.
8. *Вайнтрауб, Р. М.* Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках // Вопросы фразеологии / Р. М. Вайнтрауб. – Самарканд, 1975. – Вып. 288. – С. 157-162.
9. *Долгополов, Ю. А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского, немецкого языков) / Ю. А. Долгополов: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Казань, 1973. – 26 с.
10. *Джанелидзе, Н. В.* Соматическая фразеология в современном немецком языке в сопоставлении с грузинским / Н. В. Джанелидзе: автореферат. дис. канд. ... филол. наук. – Тбилиси, 1981. – С. 3.
11. *Исаев, А. А.* О соматической фразеологии узбекского языка / А. А. Исаев // Актуальные проблемы фразеологии. – Самарканд, 1971. – Вып. 2. – С. 39-41.
12. *Исабекова, С. Е.* Фразеологическая группа соматических фразеологических единиц в немецком и казахском языках / С. Е. Исабекова // Актуальные проблемы преподавания иностранного языка. – Алма-Ата, 1977. – С. 81.
13. *Карлинский, А. Е.* Методология и парадигмы современной лингвистики / А. Е. Карлинский. – Алматы, 2009. – С. 84.
14. *Қосымов К, Жақанбаева Т.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі Алматы қаласы. «Жазушы» баспасы. 2001 жыл.
15. *Куницкая, Н. В.* Соматическая фразеология в современном молдавском языке / Н. В. Куницкая // АН МССР: Ин-т яз. и лит.-ры. – Кишинев, 1983 – 16 с.
16. *Жуков, В. П.* Русская фразеология / В. П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986.
17. *Омиралиева, Ж. К.* Национально-культурная специфика конвенциональных фразеологизмов с соматизмами / Ж. К. Омиралиева: дис. канд. ... филол. наук. – Алматы, 1999. – 136 с.
8. *Мордкович, Э. И.* Соматическая белорусская фразеология / Э. И. Мордкович: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Минск, 1977. – 23 с.
19. *Мерзлякова, А. Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятия» (на материале английского, русского и французского языков) / А. Х. Мерзлякова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 3-7.

-
20. Раджаев, Я. Р. К характеристике фразеологических единиц с соматизмом «губа» в русском и узбекском языках / Я. Р. Раджаев // Сб. материалов Самаркандского науч. конф. раб. вузов и науч.-исслед. Учреждений. – Самарканд, 1976. – С. 65-68.
21. Назаров, О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов в русском и туркменском языках / О. Назаров: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Ашхабад, 1973. – 26 с.
22. Сулькарнаева, А. Р. Отсоматическая вторичная номинация в технической терминологии / А. Р. Сулькарнаева: монография. – Астана, «Туран-Астана», 2009. – С. 10-12.
23. Ташауов, А. С. Соматические названия в языке «кодекс куманикус» и их лексико-семантические группы / А. С. Ташауов: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Алматы, 1995. – 26 с.
24. Федуленкова, Т. Н. Проблемы общего и специального в соматической фразеологии некоторых германских языков (английский, немецкий, шведский) / Т. Н. Федуленкова: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – М., 1982. – 23 с.
25. Фразеологический словарь русского языка. – СПб.: Вариант, 1994.
26. Хван, У. С. Семантическая деривация при образовании вторичных значений способом метафоры и метонимии / У. С. Хван: автореферат. дис. канд. ... филол. наук. – Ташкент, 1990. – С. 3-17.
27. Хими́на, Т. А. Фразеологический словарь для школьников / Т. А. Хими́на. – СПб.: Литера, 2005.

Статья поступила в редакцию 25.03.2012.

ЦЕРЦВАДЗЕ Мзия Гиглаевна – кандидат филологических наук, профессор, Каспийский государственный университет иженерологии и технологии им. Ш. Есенова (Казахстан, г. Актау).

МУКАШЕВА Руан Воваевна – студент, Каспийский государственный университет иженерологии и технологии им. Ш. Есенова (Казахстан, г. Актау).

УДК 82-2

*М. Г. Церцвадзе, А. К. Калабергена***КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В ПОЭЗИИ Е. ЗЕЙФЕРТ:
АВТОРСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ**

«Lebensraum (жизненное пространство) ее лирики необычайно широко. В ней слышатся мотивы (точнее, вскрики) мировой поэзии – прежде всего русской (вплоть до Волошина и Бродского) и германской (от Гете, Гейне, Рильке до российского немецкого поэта В. Шнитке). Душа ее жаждет гармонии, взывает сокровенные Смыслы в бытийных и духовных струях. Она тонко и остро ощущает изначальную суть Слова, его созвучие, сопродность в русском и немецком речестрое, неожиданно сопрягает иноязычные лексемы» [5, с. 67].

«...Слово "солнце" рождаясь сначала звучит как сон...
...Слово "Sonne" рождаясь сначала звучит как сын... [5, с. 29]

В хаосе слов она выявляет, вычленяет гармонию — Gleichklang. Крепко (накрепко) сплелись в мировоззрении Елены Зейферт две души – русская и немецкая.

Две души истомились в груди.
– Сердце! Herz!
– Иссякает аорта. [5, с. 29]

Века мы ищем Бога. Бог был Текст,
Бог состоял из слов, из нот, из фресок...
Бог был Текст, и Песнь, и Холст...
...Мы ищем Слово, Господи, как смеем?!» [5, с. 29]

Именно в этот сборник вошло стихотворение Е. Зейферт «Блоку».

В творчестве Е. Зейферт творчество А. Блока занимает особое место. Блок оказался одним из первых поэтов, оказавших наибольшее эстетическое воздействие на её художественные ценности, что позволило поэтессе создать «миф о Блоке». Что в текст Е. Зейферт перешло из того пространства и времени, в котором жил А. Блок? Поэт-современник намеренно использует образы знаковые для творчества Блока: «пес голодный» [6, с. 18], Прекрасная Дама [6, с. 19], Кармен [6, с. 20], Куликовская битва [6, с. 20], даже искажение имени английского поэта (Бейрон) [6, с. 20], идет от знания особенности блоковского речеощущения: поэт произносил слова в соотношении с языком-первоисточником, полностью воспроизводя фонетический строй чужой речи (в данном случае – английской).

Стихи о Блоке и отсылки к его поэзии в творчестве Е. Зейферт дают возможность увидеть авторский «макет» судьбы поэта.

Первое постижение в творчестве Е. Зейферт А. Блока ознаменовалось стихотворением «Блоку». В стихотворении, построенном в форме лирического монолога – обращения и отличающемся непосредственностью, субъективностью и романтически – грустным тоном, разыгрывается воображаемая встреча с поэтом.

Подобное построение использовал и А. Блок в 1921 году при обращении к памяти А. Пушкина:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе! [1, с. 21]

У Е. Зейферт обращение к Блоку прочитывается через строки, насыщенные реминисценциями и аллюзиями:

Приди к нам боголикий гость,
Свидетель Куликовских битв,
В безумстве снящийся покой. [6, с. 20]

В тексте Е. Зейферт «стенанье птиц ночных и вольных» и «Шахматово вместо Рима» воспроизводят ценностный ряд поэта начала XXI века и одновременно маркируют отношение лирической героини к поэту:

«...прекрасен Ты
И строгий лоб – Твое величье». [6, с. 18],

Поименование Блока как «свидетеля Куликовских битв» рождает целый ряд ассоциаций. Пространственно-временные исторические аллюзии неоднородны. Среди них и военно-историческая лексика, восстанавливающая конкретику исторических событий прошлых лет:

...лязг костей,
...Как кровожадно, полновластно [6, с. 30]
... в темный мир [6, с. 26]
...сотканый из дыма [6, с. 43]

И стилистически – маркированная лексика, восходящая к романтической традиции и идиостилю самого А. Блока:

...червонных, жалящих столетий [6, с. 46]
...стыкующихся меж собой [6, с. 47]
...страшный мир, как газ [6, с. 59]

Строка «метался *«дух изгнанья»* гордый» у Е. Зейферт ведет к хрестоматийно известной строке поэмы М. Лермонтова «Демон»:

«Печальный Демон, *дух изгнанья».*

Примечательно, что в тексте Е. Зейферт сквозное цитирование восходит к стихотворению А. Блока «Демон»:

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я – блуждал *среди чужих...*
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих! [3, с. 137],

11 февраля 1921 года в статье «О назначении поэта» Александр Блок пишет:

«...Поэт – сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре.

...Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать. А творческую волю, тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл...» [1, с. 28]

А. Блок очень остро ощущал опасность умерщвления главных смыслов и ценностей в формирующемся новом типе творчества и искал некое здоровое, обновляющее начало, которое позволило бы гармонизировать художественную картину мира. Античность становится для Блока своего рода сферой устойчивых культурных архетипов, с помощью которых можно внести порядок в «уродливый брикабрак» (если воспользоваться выражением Вяч. Иванова) реальности и придать ей осмысленность. Не случайно, пытаясь выстроить исторические аналогии между бурной современностью и историческим прошлым, Блок обращается к Цицерону, к его речи против Катилины, да и сам образ русского аристократа-популиста представляется ему символическим, современным. Античный мир и его символы составляют мощный контекстовый пласт, определяющий структуру и смыслы основного блоковского мифа, однако контекст этот

проявляется опосредованно, поскольку осмысление античности у Блока уже проникнуто мифологизацией, определено общими тенденциями культурной рефлексии серебряного века.

Стихотворение Е. Зейферт «Блоку» не столько обращение к поэту, сколько опыт проживания жизни Поэта, попытка познания того, какво быть Блоком. Отсюда амбивалентность образа лирической героини: с одной стороны, она видит себя современником, его сподвижником, с другой – откровенно театрализует общение с Блоком, надевая или примеряя на себя маску великого поэта, ощущая его в себе, в третьих, выводит размышление в плоскость отношений предшественников и современников.

Строки:

...ты мрамор, тусклокаменный [6, с. 29],

воспроизводят в культурной памяти читателя традицию литературных памятников, возвышающие Блока на недостижимую высоту, доступную лишь избранным.

Отсюда в поэтическом коде Е. Зейферт и синий цвет, выполняющий особую смысловую роль. В контексте стихотворения фраза «...в плащ одетой *синий*...» не случайна. Для поэта – современника синий цвет – олицетворение высокого духовного начала (не обманного, не прошлого, как это было у Блока – символиста!). В связи с этим нельзя не вспомнить статью М. Волошина о русских иконах, в которой он объясняет символическое значение синего цвета в искусстве: «Синий – воздух и дух, мысль, бесконечность, неведомое... Лиловый и синий появляются всюду в те эпохи, когда преобладает религиозное и мистическое» [4, с. 29]. Разница в интерпретации ведущего смыслообразующего цвета в поэзии А. Блока и – спустя столетие – в стихах Е. Зейферт объясняет расхождение сущностных характеристик мировоззрений двух поэтов, а именно: Е. Зейферт возвращает поэзию, творчество в русло гармоничного сосуществования с идеей Абсолюта. Вера и понимание всеобщей повязанности с Первоначалом дают основание ей как поэту предложить иное видение гения А. Блока.

Соответственно, обращение:

Приди к нам, боголикий гость [6, с. 20]

разворачивает понимание символистских основ жизни и творчества Блока в совершенно иной ракурс, развивает мотив бессмертия поэта – один из главных мотивов всего творчества Е. Зейферт, связанный с темой поэта и поэзии.

...Ты жил среди нас. Возьми теперь к себе

Хоть маленькую птицу нашей правды.

Мы сможем... [6, с. 42]

Или:

Поэт – птица Божья. Господь поименно их помнит

И каждому в лучших покоях расстелет постель... [6, с. 43]

Светлое чувство лирической героини при воспоминании о Блоке, ощущение полноты жизни, сопричастность «веку минувшему» и «веку нынешнему», осознание своего назначения как Поэта, желание донести до читателя всю полноту переполняющих душу и сердце чувств нашли отражение в простой гармоничной и совершенной форме стихотворения. В первой части стихотворения, обращаясь к Блоку, Зейферт использует местоимение «Ты» и «Тобой», подчеркивая иерархический и в то же время родственный характер отношений, возрастную близость своего далекого предшественника, естественным образом стирающую границы между веками. Во второй части это обращение меняется на подразумеваемое «Его», «Он», что является своего рода комментарием меняющегося сознания героини, понимания величия Блока:

О миг. И я целую руку,

Благоговевя мертвеца (*ego*)...

Блок (*Он*) жив в веках. В плену у нас

Ego надмирные напевы [6, с. 20]

Совмещение понятий «нагая вселенная», «века», «надмирные напевы» с местоимением «Его» дает основание предположить не только вписывание современника-поэта в заданную когда-то символистскую систему религиозно-философских взглядов «человека – эпохи», но зна-

менует выход из темы поэта и поэзии к сакральному пространству понимания значимости Блока и его деяния. В этом контексте блоковские антиномии наполняются вечным смыслом. И противостояние образов нивой – мертвец, плен – надмирный, тленный – нетленный воплощают драму жизни человека вообще.

Блок более откровенно сказал об этой вечной дилемме:

Я в четырех стенах убитый
Земной заботой и нуждой,
А в небе золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой. [6, с. 30]

Идею недосказанности, особую интимность интонациям стихотворения Е. Зейферт развивают фигуры умолчания:

...мой миф, мой рок, мое плечо [6, с.1]
... вокруг тебя не горячо...
но, как влюбленной, тихо – больно... [6, с. 34]
... в дугах бровей прекрасен ты... [6, с. 7]
... и строгий лоб... [6, с. 8]
...а пальцы, что касались струн... [6, с. 9]
...о бледноглазый Гамаюн... [6, с. 11]
... ты нужен нам из междометий... [6, с. 48]
... не можем сложить молитв... [6, с. 49]

Продолжая традиции поэтики Блока, Е. Зейферт активно использует в своих текстах эпитеты, яркие сравнения (2,6, 11, 40, 43, 58, 59 строки), оксюмороны (14, 29, 59).

Миф Е. Зейферт о Блоке – освящен высокой литературной традицией. Вслед за М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернаком, Н. Рубцовым и другими поэтами Е. Зейферт выводит А. Блока и его век в пространство Вечности, вписывая поэтику и философию его творчества в мировой литературный процесс.

Библиографический список

1. Блок, А. Новые материалы и исследования / А. Блок. – М.: Наука, 1987 – (серия «Литературное наследие»).
2. Блок, А. Собрание сочинений / А. Блок: в 6 т. – Т. 4 (Очерки. Статьи. Речи. 1905-1921). – Художественная литература, 1980.
3. Васильченко, Н. В. Развитие традиций русской литературы в поэзии Серебряного века / Н. В. Васильченко. – Волгоград, 2009.
4. Волошин, М. Чему учат иконы / М. Волошин. – Л., 1988.
5. Ермошина, Г. В поисках божественного слова / Г. Ермошина // Знамя. – 2010. – № 5.
6. Зейферт, Е. И. Малый изборник / Е. И. Зейферт. – Караганда: Санат, 2002.

Статья поступила в редакцию 24.04.2012.

ЦЕРЦВАДЗЕ Мзия Гиглаевна – кандидат филологических наук, профессор, Каспийский государственный университет иженерологии и технологии им. Ш. Есенова (Казахстан, г. Актау).

КАЛАБЕРГЕНОВА Айнара Кадрбаевна – старший преподаватель, Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова (Казахстан, г. Актау).

УДК 800:159.9

О. С. Зубкова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ-ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ» КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИУМЕ

В статье представлена репрезентация метафорической модели «положительное-отрицательное», посредством последовательной экспликации её лингвосомиотических составляющих в социальном дискурсе.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, метафорическая модель.

Существующий в современной гуманитарной парадигме потенциал исследования лингвистических моделей весьма широк и позволяет, как нам представляется, выявить и дискриптивно представить разнообразные тематические группы, функционально-семантические и ассоциативно-семантические поля, предметные парадигмы и их контекстуальные границы.

Это актуально для исследования феномена метафорической модели в рамках предлагаемого и развиваемого нами лингвосомиотического подхода. В настоящее время, очевидно, что социум как контекст особого типа представляет собой разноуровневую систему, обладающую особой структурированностью и диффузными границами. К структурным элементам данной системы можно отнести вербальные и невербальные единицы, связанные между собой посредством метафоризации, аналогии, сходства, тождества, подобия и т.д. Эффективность действия данной системы определяется как качеством и количеством формирующих ее элементов, так и их взаимосвязью.

В нашей работе под метафорической моделью мы предлагаем понимать существующую и/или складывающуюся в конкретном социальном кластере и в сознании индивида лингвосомиотическую схему связи между понятийными сферами, подвергающуюся метафоризации. Представляется особенно значимым, что отношение между этими сферами понимается нами не как прямая замена, а как некое, конвенциональное отождествление, обуславливающее последующую конвенционализацию значения/смысла. При таком моделировании обычно сохраняется структура и эмотивный потенциал феномена, подвергающегося метафоризации.

Важно заметить, что метафорическая модель соотносится с фрагментом действительности (знания о котором конвенционально аккумулирует) и являет собой результат практического, чувственного, культурного, в том числе и социального освоения индивидом окружающей действительности. Основу метафорической модели составляет эмпирический образ, позволяющий индивиду в процессе социальной интеракции предъявлять различные виды социального «Я» для демонстрации своей позитивной или негативной позиции к феномену окружающей действительности.

В связи со сказанным выше, как нам представляется, в рамках реализации метафорической модели «положительное-отрицательное» особую значимость приобретает проблема «кодирования/декодирования» при неизменном учете культурных ценностей. Различия в национальном менталитете, архетипах, стереотипах, иерархии культурных и социально-политических ценностей могут вызвать в разных странах различную реакцию на одно и то же обращение. Вместе с тем подчеркнем, что новые метафоры, предлагаемые обществу, зачастую неузнаваемы, реципиентом улавливается лишь общий смысл понятия, но полного декодирования привычного значения не происходит. Это связано со своего рода созданием нового языка с определенной семантикой социального мифа как целенаправленной технологии метафорического изменения смысла слов.

Так, например, реклама в целом воздействует на все социальные институты и оказывает влияние на социальное поведение людей, формируя особый тип метафоризации. По нашему мнению, современная реклама вполне может быть представлена как новый вид искусства, в котором проявляются художественные способности рекламодателя, а также художественные, этические и риторические качества рекламного текста. Однако необходимо учитывать, что рек-

лама является не просто источником определенной информации, но несет в себе знание об общественных, политических, культурных и других типах отношений. Предложение социального выбора предстает перед адресатом в контексте имеющегося у него образа мира и являет собой законченный смысловой фрагмент, посредством которого создатели рекламы пытаются донести определенную мысль, оценку или отношение с помощью метафор.

Любой текст в рекламе значим и информативен. Вербальная составляющая нередко подержана видео или акустическим рядом, усиливающими результат восприятия и оценки. Феномены, составляющие часть рекламного текста, опознаются как «положительные» или «отрицательные». У каждого человека метафоризация преломляется через его индивидуальные представления, в качестве базовых выбираются такие признаки предметов и явлений, которые релевантны для индивида в ситуации «здесь, и сейчас». Многообразие социальной, половозрастной, ситуативной и т.п. стратификации служит, с этой точки зрения, основным ориентиром в установлении самих границ метафоризации. Не случайно, что в текстах современной рекламы, мы наблюдаем разножанровую специфику исследуемого феномена – школьную, армейскую, футбольных фанатов, любовную и т.д. Реклама может сужаться до микропространства (где будет своя метафоризация) или даже персонального дискурса.

Как известно, у людей, помимо зрительной, очень устойчивой, является память эмоциональная, которая работает по принципу: понравилось-не понравилось, мое-чужое, приятно-неприятно. По нашему мнению, наиболее фундаментальным является бинарная оппозиция «положительное-отрицательное». Рекламные материалы неизбежно формируют неосознаваемые эмоциональные образы. Установлено, что эмоциональная память намного сильнее, чем другие виды памяти, воздействует на поведение человека. Любой рекламный видеоклип или слоган – это не только информация, это, прежде всего, несколько эмоционально насыщенных минут, лично переживаемых индивидом в момент просмотра/прослушивания. Показательна в этом отношении сама рекламная лексика с ее богатой эмоционально насыщенной терминологией. Замечено, что в ряде случаев рекламное сообщение строится на смятении / подавлении чувства зависти, вины и т.д. Эмоции могут быть как положительными так и отрицательными. Положительные эмоции стимулируют индивида достичь поставленной благородной цели, отрицательные – избегать объектов, вызывающих неприятные состояния. Иными словами посредством рекламы у индивида формируется доминантная положительной или отрицательной самопрезентации. По нашему мнению, доминантные аспекты самопрезентации личности зависят от характера дифференциации той или иной социальной ситуации и принадлежности к конкретной группе, от обогащения знаний и представлений об устройстве окружающего мира, от значимости признаков, релевантность которых предопределяет направление субъективной оценки.

Характеризуя метафорическую модель «положительное-отрицательное», функционирующую в современном социальном контексте, считаем возможным отметить следующие ее свойства:

1.Кластерное устройство. В лексико-семантической системе традиционно выделяются кластерно организованные объединения: поля подразделяются на подполя, внутри последних выделяются лексико-семантические группы, подразделяющиеся в свою очередь на подгруппы, которые тоже не дискретны. Подобные отношения можно обнаружить и между метафорическими моделями. Например, в нашем материале метафорическая модель «общество – больной организм» может рассматриваться как часть более широкой модели с исходной семантической сферой «Здоровье», в составе которой выделяются статические и динамические модели. С другой стороны, в составе этой модели могут быть выделены своего рода «подмодели» разных видов заболеваний

2.Взаимопересечение метафорических моделей. Как показывает практика, между смежными объединениями весьма затруднительно определить отчетливую границу, поскольку нередко обнаруживаются составляющие, которые по тем или иным основаниям можно отнести сразу к нескольким смежным полям.

Аналогичные факты наблюдаются и при изучении метафорических моделей. Нередко один и тот же образ может рассматриваться как одновременно принадлежащий различным метафорическим моделям. Например, «Фитнес-центр «Три океана» – только для успешных людей». В данном рекламном слогане очевидна принадлежность к модели «Здоровье и успех – основные жизненные ценности», однако, можно усмотреть и метафорическую подмену культурно-нравственных ценностей, поддерживающую положительную атрибуцию индивида.

3. Варьирование метафорических моделей в рамках одного кластера. По нашему мнению функционирование метафорической модели «положительное-отрицательное», как основной в социуме, может интерпретироваться на основе варьирования, отражающего креативный потенциал метафоризации. Это варьирование может быть представлено в нескольких аспектах: лексико-семиотическое варьирование метафорического образа и варьирование его ассоциативных связей. Лексическое варьирование означает воплощение метафорического образа разнообразными лексическими средствами, состав которых лимитируется ассоциативно-семантическим полем. Семиотическое варьирование метафорической модели заключается в актуализации различных её значений, провоцирующих расширение состава характеризуемых референтов – объектов и сфер деятельности, подвергающихся метафорическому переосмыслению. Таким образом, метафоры способны актуализировать негативные/позитивные коннотации, связанные с негативными / позитивными эмоциями, формируя отрицательную или положительную атрибуцию адресата.

Таким образом, в метафорической модели «положительное-отрицательное» находят реализацию эмотивные элементы, усиливающие экспрессивность вербальной или невербальной конструкции. Естественный язык фиксирует связь процессов восприятия с процессом познания сущности окружающего мира, получением разного рода информации, внутренних связей. Переплетение эмоциональной и интеллектуальной сфер фиксируется в метафорах и метафорических конструкциях, формируя особое поле, функционирующее на основе данной когнитивной модели. При этом важно подчеркнуть, что возникают некоторые сложности при определении границ соответствующих моделям понятийных областей, подвергающихся метафоризации, и при дифференциации конвенциональных значений конкретных метафорических моделей.

Статья поступила в редакцию 19.04.2012.

ЗУБКОВА Ольга Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Профессиональной коммуникации иностранных языков, Курский государственный университет.

УДК 811.111'373

Е. Г. Никулина

**ВЫСОКОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ (АФФЕКТИВНАЯ) РЕЧЬ И СПЕЦИФИКА
ЕЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ**

В данной статье рассматривается явление эмоционально напряженной (аффективной) речи, ее особенности, а также ее выражение в диалогической интеракции посредством лексических средств на примере английского языка.

Ключевые слова: эмоциональная речь, эмоциональная напряженность, аффективная интеракция, лексические маркеры высокоэмоционального диалога, аффективная экспрессивность, коммуникативное воздействие.

Речь является особой наиболее совершенной формой общения, свойственной только человеку. Важнейшая функция речи – коммуникативная, так как речь имеет смысл только в общении, в передачи друг другу своих мыслей и эмоций.

Эмоции выражают оценку условиям и ситуациям, побуждают субъекта к сохранению благоприятных для его жизнедеятельности условий или к устранению неблагоприятного воздействия или состояния. Поэтому неудивителен интерес к эмоциональным состояниям, который уже полвека проявляют такие известные психологи, лингвисты, культурологи, как М. Г. Апресян, М. Я. Блох, К. Е. Изард, Р. С. Лазарус, А. Н. Леонтьев, Э. А. Нушикян, Я. Рейковский, В. И. Шаховский, П. М. Якобсон и многие другие. Несмотря на то, что предпринимаются попытки систематизированного описания единиц языка, выражающих или называющих эмоции (см., например: [Бабенко 1989], [Шаховский 1987], [Фомина 1996], а также обзоры: [Мягкова 1990], [Перфильева 1997]) авторы вкладывают в содержание этого понятия весьма разнообразные смыслы.

Как отмечает В. И. Шаховский, «любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция еще никому не удалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистикой наук» [17]. Речевое поведение человека служит индикатором его общей эрудиции, особенностей интеллекта, мотивации поведения и эмоционального состояния. По нему можно определить и эмоциональную напряженность человека, которая ярко проявляется в выборе слов и стиле построения фраз.

Основным средством коммуникации является естественная устная речь, имеющая лексическую и синтаксическую организацию. Коммуникативная функция эмоций является одной из важнейших, так как без эмоциональных проявлений трудно представить нормальное взаимодействие между людьми. Однако зачастую эмоции, и в частности эмоциональная напряженность (аффект), становятся непреодолимым барьером на пути к реализации поставленного коммуникативного намерения.

В состоянии эмоциональной напряженности многие люди, высказывая свою точку зрения, с трудом подбирают слова, речь в этих случаях становится шаблонной, словарный запас однообразным. Говорящий отвлекается от основной мысли, сосредотачиваясь на деталях, что, безусловно, затрудняет понимание, ведет к частичной, а иногда и глобальной коммуникативной неудаче [14].

Состояние эмоциональной напряженности, как подчеркивает А. Н. Леонтьев, занимает особое место среди эмоциональных процессов, хотя трудно провести четкую грань между стрессовым состоянием и аффектом, между эмоциональной напряженностью и напряженностью, вызванной неэмоциональными факторами [11].

Впоследствии под «эмоциональной напряженностью» будет пониматься особое эмоциональное состояние, характеризующееся интенсивными эмоциональными переживаниями в ходе речевой коммуникации, воспринимаемое индивидом как помеха для достижения коммуникативных намерений.

Причины возникновения напряженности различны и могут иметь разную силу воздействия на индивида. Эмоциональная напряженность может возникнуть у человека при попадании в трудные, экстремальные условия, при эмоциональной перегрузке, создаваемой в ходе опреде-

ленных неблагоприятно складывающихся условиях межличностных взаимоотношений, если мы говорим о **диалогической интеракции**.

Аффективные состояния с большим трудом поддаются контролю и легко распознаются при анализе речевого общения. Поэтому можно сделать вывод, что такой прагматический аспект как состояние эмоциональной напряженности имеет непосредственное влияние на рече-производство и процесс речевой коммуникации в целом. Кроме того, эмоциональное напряжение может непосредственно влиять на порождение и восприятие речи – основных процессов речевой коммуникации. Речевое поведение человека служит индикатором его общей эрудиции, особенностей интеллекта, мотивации поведения и эмоционального состояния.

В современной лингвистике состояние эмоциональной напряженности или аффект рассматривается как относительно кратковременное, но исключительно сильное переживание, оказывающее доминирующее влияние на поведение человека, в том числе и речевое [3].

В основе аффекта лежит переживаемое человеком состояние внутреннего конфликта, порождаемого либо противоречиями между его влечениями, стремлениями, желаниями, либо противоречиями между требованиями, которые предъявляются человеку (или он сам предъявляет их себе), в возможности выполнить эти требования. Аффект развивается в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций.

Нередко в состоянии аффекта изменяется обычная установка личности. Многое из происходящего воспринимается в совершенно ином освещении, происходит ломка привычного поведения. Обладая свойствами доминанты, аффект тормозит не связанные с ним психические процессы. Для состояния аффекта характерно сужение сознания, при котором внимание субъекта целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными им действиями. Нарушение сознания может привести к неспособности впоследствии вспомнить отдельные эпизоды вызвавшего аффект события [7; 10; 12].

Чаще всего аффект проявляется у людей невоспитанных, развязных, истеричных, не привыкших контролировать свои чувства. Однако в некоторых стрессовых ситуациях аффект может проявиться и у образованных, уравновешенных людей.

В состоянии эмоциональной напряженности человек испытывает трудности в формировании мыслей и выборе слов. Кроме того, снижается словарное разнообразие речи, увеличивается количество слов-паразитов, клише; незавершенных высказываний, возрастает число некорректируемых ошибок.

Эмоционально напряженная речь, в основном диалогического характера, характеризуется рядом лексических маркеров, среди которых можно выделить наиболее значительные группы, являющиеся основными лексическими признаками аффективной интеракции.

В качестве типичных лексических признаков аффективной речи выделяются в первую очередь можно выделить **междометия**. Именно междометие можно назвать одним из важнейших и наиболее ярких маркеров аффективной эмоциональной речи. Своеобразие междометий, как показывает теоретический материал, заключается в обобщении смыслового содержания, выражаемого ими, а также в отсутствии номинативной функции.

Действительно, такие слова, как *alas, oh, ah, gosh, gee* и др. фактически не имеют предметно-логических значений и являются теми словами, которые выражают понятие о чувствах. Прежде всего, необходимо указать на сильную «радиацию» эмоциональных значений, которую междометия распространяют на все высказывание. Поставленное в начале отрывка, междометие придает всему высказыванию окраску, вытекающую из самого значения междометия. Поэтому междометие часто можно рассматривать как начальный сигнал аффективного, эмоционально напряженного отрезка высказывания [4]. Например “**Oh**, Christ, it hurts!” Jake cried in agony. (The Value of Life Andy Crowson, 2005) или Victor staggered away, crying out, “**Ah!** Madre de Dios, you broke my fucking arm, you moron!” (A Lonely Impulse Richard L. De Shon, 2006). В данных примерах междометия указывают на эмоциональное состояние говорящих в ответ на раннее сложившиеся обстоятельства и являются следствием болевого аффекта, вызванного непосредственно тем, к кому направлены обращения.

Междометия по своей семантике делятся на эмоциональные и императивные (или волеизъявительные). К эмоциональным междометиям, помимо разновидности типа *Ah! Oh!*, выражающих непосредственную эмоциональную реакцию на конкретное событие, явление (удивление, страх, беспокойство). Выделяется также группа междометий, отражающих эмоциональную оценку определенного явления действительности со стороны говорящего или слушающего, например, *Forshame!* (Стыдно!), *Fiddlesticks!* (Вздор! Ерунда!), *Fie!* (Тьфу!). Междометия выра-

жают личностное отношение человека к объектам внешнего мира, а иногда и к самому себе. Один и тот же объект может вызывать различные эмоции. В живой разговорной речи большинство междометий может соотноситься непосредственно с экстралингвистической ситуацией. Отсюда, можно выделить междометия типа *Like hell!* или *My foot!*, которые реализуются в речи коммуникантов только в зависимости от сообщения о ситуации.

В английском языке существует группа междометий узкой семантики с устойчивым смысловым содержанием, например, междометие *Alas!*, посредством которого выражается только сожаление. В этой группе выделяются высокоидиоматичные междометия яркой стилистической окраски типа *My eye!*, отражающее пренебрежение к словам собеседника.

Таким образом, междометия являются маркерами эмоционального коммуникативного поведения; они обогащают речь, делая её более экспрессивной, образной, а так же являются важнейшим маркером аффективной речи.

Г. Линдсей и А. Ньюберг также отмечают в качестве одной из характерных особенностей смыслового содержания речи в состоянии эмоциональной напряженности появление в неподготовленном высказывании фраз, сигнализирующих о неуверенности говорящего, неопределенности в оценке событий, нерешительности в суждениях [18]. Многими авторами отмечается изменение количества существительных и глаголов по сравнению с количеством прилагательных и наречий (в сторону его увеличения) в речи в состоянии эмоциональной напряженности.

Глаголы состояния занимают особое место среди глаголов других типов. Г. А. Золотова выделяет статуальные глаголы, относящиеся к неакциональным глаголам, не обозначающим действия, но выражающим разного рода отношения между предметами и так называемые «глаголы эмоционального действия», относящиеся к акциональным и обозначающие действие [9].

Однако по сравнению с другими глаголами, глаголы состояния являются более «статичными». Так, например, в книге «*Longman Grammar of Spoken and written English*» авторами выделяется особая группа – это так называемые «*mental verbs*», которые характеризуются следующим образом: «*Mental verbs denote a wide range of activities and states experienced by humans; they do not involve physical action and do not necessarily entail volition. <...> They include both cognitive meanings (e. g. think or know) and emotional meanings expressing various attitudes and desires (e. g. love, want), together with perception (e. g. see, taste) and receipt of communication (e. g. read, hear)*» [19]. Авторы считают, что глаголы «эмоционального состояния или отношения (*emotional or attitudinal states*)» обладают статичным значением.

Глагол подразумевает, что субъект чувства делает то, что порождает определенное чувство, а не просто пассивно испытывает данное чувство, и то, что это чувство открыто выражается в поведении субъекта так, чтобы другие люди могли о нем узнать [6].

А. Вежбицкая утверждает, что «носители английского языка обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством. И сама идея активности, и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англо-саксонской культуре», в которой на эмоциональное поведение смотрят «без одобрения, с подозрением и смущением». Она также обращает внимание на то, что «английские непереходные эмоциональные глаголы, как правило, выражают, негативные неодобрительные оттенки, ср. *sulk* 'дуться, быть мрачным, сердитым', *fret* 'раздражаться, беспокоиться, волноваться', *fume* 'кипеть от чего-либо'. Англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам.

Семантическая особенность глаголов состояния заключается в том, что они выражают действие, замкнутое в субъекте. К глаголам состояния такие лингвисты, как Л. М. Васильев и Г. А. Золотова относят различные глаголы, в том числе глаголы следующих трех групп: глаголы психической деятельности, некоторые глаголы поведения и некоторые глаголы, обозначающие состояние или изменение состояния [5, 8]. К глаголам-маркерам высоко-эмоциональных состояний (аффектов) можно отнести следующие: *to wail, to shriek, to squeal, to whine, to groan, to snap, to grunt, to snort, to bark, to snarl, to shrill, to explode, to swear, to spit, to blaster* и другие. Обычно они встречаются в речи автора и являются сигналом аффективного диалога, т.е. диалога, основанного на определенной эмоциональной реакции на возникшие события. Например: «*I didn't do nuffin' wrong, please lemme go*», he **whined** seared. (The Scheme James Ellison, 2007).

Лексическое значение эмоциональных глаголов имеет определённую структуру и характеризуется сложностью и многоплановостью и в любом случае все эти глаголы можно назвать «глаголами аффективного воздействия на лицо». Процесс затухания предметно-логического значения заметен в развитии значения качественных прилагательных и наречий. Смысловая структура прилагательного, особенно качественного, очень широка. Уже в самом акте выделения определенного признака из суммы признаков, составляющих данный предмет, заложено

субъективное, индивидуальное начало. Особую эмоциональность, в том числе и в ситуациях аффекта, приобретают прилагательные тогда, когда субъективно-оценочные значения развиваются у них на базе дальнейшего наслаения, углубления, модального оттенка, сопутствующего какому-либо предметно-логическому значению признака, качества; т.е. в процессе дальнейшего «окачествления» значения у прилагательного получается своего рода затемнение основного предметно-логического значения субъективно-оценочным. Семантическая граница слов становится более расплывчатой, менее определенной. Иначе говоря, слово оказывается приложимым к большему кругу понятий.

С целью создания аффективной экспрессивности часто используются **усилительные наречия или интенсификаторы**. Усилительные наречия (или интенсификаторы) постоянно обновляются, количество их растет. Много таких наречий образовалось от слов, обозначающих страх: frightfully, awfully, terribly и т.д. [1]. Для увеличения экспрессивности используются некоторые интенсификаторы (all, ever, even, quite, really, absolutely, so). Например: As I walked past, he shouted, “This time, you **really** are dead, hombre!” (A Lonely Impulse Richard L. De Shon, 2007) или “What an **absolutely** dick head,” he fumed. “What the hell did I **ever** do to him?” (The Value of Life Andy Crow son, 2005)

Благодаря неопределенному предметно-логическому значению и большой модальной нагруженности высокоэмоциональные **прилагательные** могут приближаться в своих значениях к междометию, что и имеет место в группе так называемых субъективно-оценочных прилагательных широкой семантики.

Возьмем для примера такие прилагательные, как wonderful, horrible, terrible, nice, awful, great и др. Большинство этих прилагательных уподобляются междометиям с точки зрения того субъективно-эмоционального значения, которое они несут в разном употреблении. Недаром словари часто отмечают как особые значения этих слов (кроме предметно-логических) и значения, которые они называют «intensives» – «усилители», признавая за этими словами эмоционально-усилительные значения [4].

Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а, следовательно, эмоциональностью. Такие **существительные**, как airhead, bummer; пустомеля, брюзга, разгильдяй и т.п., уже сами по себе в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Именно в аффективных диалогах, где психические эмоции собеседников (или одного из говорящих) достигают наивысшего уровня, и человек уже не задумывается о выборе корректных обозначений лица, появляются существительные, выражающие по большей части негативное отношение. Лексика в данном случае используется в устно – фамильярной, сниженной речи. Например: “Rushit? I’m gonna rush you right straight to hell, **hombre**” или “If I’d a’known you worked for that **bum**, Luce, I would’ve kicked you out myself, earlier!” (A Lonely Impulse Richard L. De Shon, 2007). На примерах видно, что говорящие находятся в напряженном эмоциональном состоянии и выбирают сленговые варианты характеристики собеседника.

Особенности выбора слов в устной речи, обусловленные переживаемым говорящим состоянием эмоциональной напряженности, в значительной степени сказываются и на специфике смысловой структуры фраз в эмоциональной речи.

В состоянии эмоциональной напряженности речь человека значительно чаще, чем в обычном состоянии, характеризуется отсутствием соотнесенности указанных процессов, своеобразным рассогласованием показателей плана выражения и плана информативно-смыслового содержания сообщения. Это явление затрудняет понимание коммуникантов, и соответственно может увеличивать возможность появления коммуникативных неудач.

Таким образом, высокоэмоциональная речь, на сегодняшний день, еще остается малоизученной из-за постоянного обновления лексического состава разговорной речи. Тщательное ее изучение, изучение ее лексического состава в частности, ведет к новому пониманию взаимосвязи психических и языковых процессов аффективной диалогической интеракции.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд: учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990.

2. *Бабенко, Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989.
3. *Блох, М. Я.* Аффект в речевом поведении / М. Я. Блох, М. М. Сулова // Актуальные проблемы прагмалингвистики: тез. докл. науч. конф. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1996.
4. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М., 1958.
5. *Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – изд. 2-е, доп., 2009.
6. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996.
7. *Витт, Н. В.* Речь и эмоции / Н. В. Витт. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Горького, 1984.
8. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. *Золотова, Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова; Отв. ред. Ю. Н. Караулов; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука. – 1988. – 439 с.
10. *Изард, К. Е.* Эмоции человека / К. Е. Изард. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
11. *Леонтьев, А. Н.* Эмоции. Философская энциклопедия / А. Н. Леонтьев: в 5 т. – М., 1970.
12. *Леонтьев, А. А.* Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения / А. А. Леонтьев, Э. Л. Носенко // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973.
13. *Лурия, А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1975.
14. *Мягкова, Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж, 1990.
15. *Носенко, Э. Л.* Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности / Э. Л. Носенко. – Днепропетровск, 1975.
16. *Перфильева, С. Ю.* Специфика значения слов-названий эмоций в английском и русском языках / С. Ю. Перфильева: дипломная работа. – Курск, 1997.
17. *Фомина, З. Е.* Лексико-семантические группы глаголов действия с эмоционально-оценочным компонентом / З. Е. Фомина // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. – Воронеж, 1996.
18. *Шаховский, В. И.* Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности / В. И. Шаховский // Общество, язык и личность: материалы Всерос. науч. конф. (Пенза, 23-26 октября 1996 г.). – М., 1996.
19. Lindzey G., Newburg A. S. Thematic apperception test: a tentative appraisal of some "signs" of anxiety // Journal of Consulting Psychology. – Dec 1954. – Vol. 18 (6).
20. Longman Grammar of Spoken and written English. / Douglas Biber, Susan Conrad and Geoffrey Leech. – Pearson Education Limited. – 2002. – 487 с.
21. Andy Crowson "The Value of Life", 2005
22. James Ellison "The Scheme", 2007.
23. Richard L. De Shon "A Lonely Impulse", 2007

Статья поступила в редакцию 31.03.2012.

НИКУЛИНА Екатерина Геннадьевна – аспирант кафедры германских языков, преподаватель английского языка кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Российский государственный гуманитарный университет (филиал в г. Кирове).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 908+314.19

Д. А. Разживина

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГОДА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ: РАБОТА МЕСТНЫХ ПЕРЕПИСНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются действия местных переписных органов Владимирской губернии по подготовке и проведению переписи Российской империи 1897 года.

Ключевые слова: уездная переписная комиссия, заведующий переписным участком, счетчик.

Изучение статистики населения в наши дни приобретает немаловажную роль. Хотя история всеобщих переписей населения в России насчитывает всего 115 лет. Первая всеобщая перепись была проведена впервые в Российской империи в 1897 году. Будучи единственной дореволюционной переписью, она отразила всю сложность социальной и демографической ситуации того времени. Первая перепись стала событием и для Владимирской губернии, одной из губерний верхневолжского региона. По подсчетам результатов этой переписи на 28 января 1897 года во Владимирской губернии проживало без малого 1 млн. 515 тыс. 691 человек, в том числе в г. Владимире – чуть более 28-ми тысяч [1]. В конце XIX века в губернии площадью в 42,8 тыс. кв. верст, было более 1350 фабрик, в которых работало около 150 000 рабочих [2]. В данной статье на примере Владимирской губернии рассматривается из кого же формировались местные органы по производству переписи, с какими проблемами им приходилось сталкиваться и как особенности быта Владимирской губернии повлияли на ход переписи.

Для организации процесса первой переписи населения была создана владимирская губернская переписная комиссия, и уездные переписные комиссии. Губернская комиссия была сформирована из главных чиновников губернии. Уездные переписные комиссии Владимирской губернии состояли обычно из первых лиц уезда. Для примера рассмотрим состав Владимирской уездной комиссии: уездный предводитель дворянства П. В. Кутанин, уездный исправник М. М. Веревкин, уездный воинский начальник В. И. Русинов, податной инспектор С. В. Соловьев, член земской управы Г. М. Введенский, гласный от уездного земства С. Н. Назаров, полицмейстер города Владимира В. А. Иванов [3]. Такой же примерно состав был и в остальных уездных комиссиях. Правда, иногда встречались и представители духовенства. Так, в состав Шуйской уездной комиссии входили протоирей Шуйско-Воскресенского собора Евлампий Иванович Правдин и протоирей Старопокровского собора Александр Иванович Казанский [4].

Для разъяснения, зачем нужна всеобщая перепись населения во Владимирскую губернию было прислано 1300 экземпляров объявления от имени министра внутренних дел «для распространения среди населения путем расклеивания в наиболее людных местах» [5]. В сельской местности разъяснения по поводу переписи должны были давать заведующие переписными участками на сельских сходах, но на практике такие сходы собирались достаточно редко.

Заведующими переписными участками во Владимирской области были земские начальники, городские судьи, потомственные дворяне, земские врачи, представители чиновничества, инженеры и даже страховые агенты. Немало работы во время подготовки переписи досталась

работникам полиции, дворникам, волостным старшинам. Они составляли списки старост деревень и сел в сельской местности, проверяли списки домов и квартир в городах. Так, в списке людей, активно содействовавших переписи, поданном Гороховецкой уездной комиссией были указаны: помощник исправника Александр Лавров, полицейский надзиратель Александр Тихомиров, пристав первого стана Николай Машов, пристав 2 стана Иван Сокольский старший полицмейстер Михаил Воронин [6]. А в списках Шуйской уездной переписной комиссии были отмечены волостные старшины Федор Колобов, Плаксин Максим, Ермолаев Петр, Бодунов Петр «за своевременную доставку подвод для счетчиков и выдающееся содействие заведующим переписными участками» [7].

По ходу проведения переписи возникало множество проблем, которых не смогли предусмотреть в теории. Так, Вязниковская уездная комиссия по опросам о затруднениях в организации дела переписи определила, что время проведения переписи было выбрано неудачно, поскольку все учреждения были заняты работой по составлению годовых отчетов, оплата труда счетчиков была не соразмерна с количеством времени потраченного ими на эту работу, а также на разный порядок переписи в отдельных учреждениях [8]. Гороховецкая уездная комиссия писала о том, что в большинстве своем затруднения были при заполнении отдельных граф переписных листов. К примеру, молодые люди, работавшие и проживавшие далеко от дома, не могли выделить главные и побочные занятия, затруднялись ответить о месте рождения, некоторые молодые люди затруднялись ответить относительно сословия [9]. Переславль-Залесская уездная переписная комиссия видела организации переписи в том, что поскольку контингент счетчиков состоял из лиц имеющих основные служебные обязанности, было ошибкой привлекать их к написанию вторых экземпляров переписных листов [10]. У Муромской уездной переписной комиссии возникли проблемы с записью старообрядцев, не признававших церковный брак, но считавших себя законными супругами, а своих детей – рожденными в браке [11]. Их по итогам переписи проживало в владимирской губернии 38 107 человек [12], что почти в четыре раза больше чем в другой части Верхневолжского региона Ярославской губернии, где старообрядцев было 9 638 человек [13]. Помимо этого раскольники отказывались общаться со счетчиком, если он был представителем духовенства. Так, заведующий четвертым переписным участком уведомил комиссию, что ему пришлось взять еще одного счетчика, отставного унтер-офицера для жителей сельца, принадлежащих к секте раскольников [14]. За работу по переписи раскольничьего населения была отмечена Шуйской уездной комиссией единственная по уезду женщина-счетчик-учительница земского начального училища Анна Алексеевна Александра [15].

Больше всего затруднений с проведением и организацией переписи возникло у Иваново-Вознесенской переписной Комиссии: сказалось и отсутствие свободных образованных лиц, могущих взять на себя обязанности счетчиков и казенных учреждений, а также образ жизни – почти все население города и его окрестностей работало на фабриках в разные смены. Когда счетчик приходил на квартиру, где проживали рабочие, квартирные хозяева обычно отвечали, что такой-то жилец придет со смены в шесть вечера, другой в восемь, третий в десять. В результате обход счетчиков заканчивался около полуночи. Останавливать же работу фабрик переписная комиссия не имела права, так как потерпели бы убытки владельцы фабрик, поэтому счетчикам в качестве компенсации было назначено вознаграждение за работу по городу 14 рубля, по окрестностям – 24 рублей [16]. Ковровская уездная комиссия посчитала главными недостатками первой переписи: малое вознаграждение счетчиков, весьма короткий срок на производство переписи, долгое ожидание разъяснений проблемных моментов от правительства, устранение волостных писарей от дела переписи [17].

Несмотря на присылаемые из Петербурга наставления, счетчикам циркуляры, к переписным комиссиям периодически возникали вопросы. Так, Судогодской переписной комиссии пришлось вынести на заседание вопрос заведующего 2 переписным участком: «Куда записывать возчиков дров конторы Храповицкого, разместившихся по квартирам в различных селениях». Решением комиссии было установлено записывать возчиков по месту проживания [18].

Конечно, основной проблемой был набор счетчиков, так как желающих было мало. Например, из протокола заседания Меленковской уездной переписной комиссии видно, что по предварительным спискам в городе Меленки проживало 8972 человека и согласно 13 статье инструкции заведующим переписными участками на такое количество человек требовалось двенадцать счетчиков, а было приглашено только десять. Двоим счетчикам, за большой объем проделанной работы, было заплачено по четырнадцать рублей [19]. Но и уже в разгар переписи были счетчики, которые отказывались от работы, либо не укладывались в указанные сроки сда-

чи переписного материала. Так, в материалах Владимирской губернской комиссии сохранилось письмо к владимирскому архиепископу Сергию с просьбой повлиять на священников принявших звание счетчика: «Имею честь ходатайствовать при вашем Высокопревосходительстве, не изволите ли вы, признать возможным разъяснить местному духовенству, что отказ от звания счетчика представлялся бы совершенно не своевременным и мог бы отразиться на деле... [20]». Архиепископу предлагалось дать объявление в епархиальных ведомостях о том, как важно дело переписи для государства и отказ от звания счетчика нежелателен.

По окончании работ переписные комиссии проверяли собранный материал, затем отправляли первые экземпляры переписных листов по железной дороге губернскую комиссию, а она переправляла их в Санкт-Петербург, в Центральный статистический комитет. Вторые экземпляры листов предписывалось хранить в местных органах министерства внутренних дел, поскольку разработка переписного материала занимала много времени, да и первые экземпляры могли пострадать во время перевозки. Так, например, в городе Хабаровске весь переписной материал сгорел во время его пребывания на почтово-телеграфной станции [21].

Комиссиям строго запрещалось разглашать или использовать данные полученные в результате процесса переписи. Основывался этот запрет на статье 40 положения о переписи от 5 июля 1895 года, подписанного Николаем II, где говорилось, что все сведения из переписных листов имеет право разрабатывать только ЦСК. Статья 41 того же положения гласила что «собранные переписью сведения не подлежат разработке и опубликованию на местах» [22]. А Котельников в своей книге «История производства и разработки всеобщей переписи населения» считал этот запрет негативным фактором для развития общественной жизни на местах: «Таким образом, местные общественные учреждения лишены были возможности пользоваться ведомостями произведенной правительством первой всеобщей переписи. [23]»

Подводя итог вышесказанному, отметим, что переписным уездным комиссиям Владимирской губернии приходилось не только взаимодействовать с различными учреждениями на своей территории. Привлечение счетчиков, координация действий с различными органами местной власти, проверка полученного материала – и все это требовало кропотливого труда и времени. Разъяснения же по отдельным вопросам уездных комиссий не всегда доходили своевременно, поэтому частично местные органы по производству переписи могли ориентироваться только на общие циркуляры и инструкции. На проверку переписного материала уездным комиссиям был отведен кратчайший срок – две недели. В течение месяца со дня отправления переписных листов комиссии должны были предоставить отчет о ходе переписи в своем уезде и отчет об израсходованных суммах денег. Если говорить об особенностях Владимирской губернии повлиявших на проведение переписи то это большое количество старообрядцев, проживающих на этой территории, город Иваново-Вознесенск и его окрестности, где почти все жители работали в смены на фабриках, ну и конечно недостаток людей, готовых принять на себя обязанности счетчиков.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Владимирская губерния. Тетрадь 2 1904 год URL: <http://book-old.ru>.
2. Первая всеобщая перепись населения Владимирская губерния. Тетрадь 1 1900 год URL: <http://book-old.ru>.
3. Государственный архив Владимирской области. Далее ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 3. Л. 11
4. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 4. Л. 227.
5. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3 Л. 214.
6. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 4. Л. 313.
7. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 4. Л. 13.
8. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 4. Л. 52.
9. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 4 Л. 73.
10. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 4 Л. 190.
11. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 3 Л. 58.
12. Первая всеобщая перепись населения Владимирская губерния. Тетрадь 2 1904 год URL: <http://book-old.ru>.
13. Первая всеобщая перепись населения Ярославская губерния. 1904 год URL: <http://book-old.ru>.
14. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3 Л. 85.
15. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 4 Л. 14.
16. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3. Л. 240.

17. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 4 Л. 411.
18. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3 Л. 312.
19. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3. Л. 48.
20. ГАВО. Ф. 433 Оп. 1 Д. 3 Л. 267.
21. ГАВО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 4 Л. 153.
22. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи 1895 г. ЦСК МВД
URL:<http://www.census1897.com>.
23. А. Котельников. Истрия производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897года 1909г. URL: <http://www.census1897.com>.

Статья поступила в редакцию 31.03.2012.

РАЗЖИВИНА Дарья Андреевна – аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ: ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

Реформирование органов МВД, во все времена вызывало серьезный общественный резонанс. В данной статье, на основе законодательных актов различных эпох, исследуется соответствие названий «полиция» и «милиция» реальным функциям МВД на разных этапах социально-экономического и политического развития России.

Ключевые слова: общество, полиция, милиция, история, реформы, правоохранительная деятельность.

Одним из активно обсуждаемых в современном российском обществе вопросов, является предложение президента РФ о переименовании российской милиции в полицию. Несмотря на то, что вот уже более года прошло с того момента, как милиция России ушла в историю, дискуссии по этому вопросу продолжают существовать. Существовала ли необходимость такого преобразования? Для того чтобы дать точный ответ на данный вопрос, следует рассмотреть и проанализировать множество отдельных аспектов, в том числе обратиться к бесценному опыту реформирования органов МВД, накопленному историей. Очевидно, что решение о переименовании такого важного ведомства не является и не может являться волей отдельных политических сил или деятелей.

Созданная как регулярная структура в начале XVIII в., полиция Российской империи, постоянно изменялась, модернизировалась [1]. Выдающиеся Российские императоры осуществляли реформирование полицейских органов. В 1782 г. императрица Екатерина II вводит «Устав Благочиния или Полицейский» [2]. В 1802 г., по причине создания в России министерств, полиция переходит в ведение Министерства внутренних дел. Значительным, и вместе с тем одним из последних крупных преобразований, станет реформа полиции 1862 г., проведенная в духе эпохи великих реформ Александра II [3].

Определенный интерес вызывает детальное рассмотрение всего спектра обязанностей и полномочий российской полиции и милиции. Все обязанности дореволюционной полиции традиционно подразделялись на несколько групп. Первая группа включала в себя вопросы, связанные с обеспечением общественной безопасности, раскрытием и пресечением преступлений. Главным образом, это функция реализовывалась в виде выставления полицейских постов, которые в свою очередь были постоянные, дневные и ночные. Посты располагались в особо важных частях городов, преимущественно на перекрестках крупных улиц, возле административных зданий, также при объектах инфраструктуры, таких как пристани, мосты, вокзалы. Как известно, стационарным постом служителя полиции являлась караульная будка, за что полицейские, которые несли службу на таких постах, назывались не иначе как «будочники». Лишь после полицейской реформы 1862 г., «будочников» стали именовать «городовыми».

Если же попытаться охарактеризовать деятельность полиции, не связанную с обеспечением безопасности, то следует отметить, что сделать это в полной мере практически невозможно. На самом деле, полиция занималась практически всем. Она обязывалась: выдавать паспорта, контролировать численность городских проституток, следить за торговлей на городских площадях и рынках, и даже организовывать мероприятия по отлову бродячих собак. Кроме того, до революции 1917 г. пожарная служба входила в полицию, составляя с ней единое ведомство.

Оценивая деятельность полиции, касающуюся как вопросов по борьбе с преступностью, так и других аспектов, следует обратить внимание на мнение американского журналиста Джорджа Кеннана, хорошо осведомленного о российской действительности. В своих заметках иностранец справедливо подметил: «Полиция, возглавляемая Министерством внутренних дел, при помощи паспортов контролирует передвижение жителей Империи; она устанавливает и свидетельствует в суде задолженность банкротов; она распродает невыкупленные у ростовщиков заклады; она выдает удостоверения личности пенсионерам и всем другим нуждающимся в

них лицам; она заведует починкой дорог и мостов; она надзирает за всеми театральными представлениями, концертами, живыми картинами, театральными программами, афишами и уличной рекламой; она собирает статистику, следит за исполнением санитарных правил, проводит обыски и изъятие в частных домах, перлюстрирует корреспонденцию и т.д.» [4].

Исторический путь развития полицейских органов России был прерван революционными событиями 1917 г. В соответствии с постановлением от 10 марта 1917 г. упраздняется Департамент полиции. С этого времени в нашем государстве появился термин «милиция», заменивший тем самым одиозное, ассоциировавшееся с царским режимом слово «полиция». Важно отметить, что новообразованное ведомство не значительно изменило свою структуру, источники финансирования, более того, комплектование милиции происходило в значительной степени из служащих упраздненной полиции. Известно, что термин «милиция» происходит от латинского слова «*militia*», и означает «войско» [5]. В свою очередь, происходящее от греческого «*politéia*», слово «полиция» означает «управление государством, администрация» [6].

Кратко рассмотрев круг обязанностей царской полиции, становится ясно, что к ней термин «милиция», означающий войско, явно не применим. Таким образом, закономерен вывод о том, что для соответствия своему названию, новообразованная милиция должна была освободиться от целого ряда обязанностей, не связанных с обеспечением безопасности. Произошло ли это на практике? Чтобы понять, что входило в должностные обязанности милиционеров, можно рассмотреть, например, постановление совета министров СССР «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции». Для данного исследования больший интерес представляет третий раздел постановления, касающийся обязанностей милиции. В соответствии с обозначенным разделом, милиция решает следующие задачи: «б) обеспечивает охрану социалистической собственности, прав и законных интересов граждан... в) проводит работу по предупреждению преступлений и других правонарушений... ф) при стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах участвует в спасении людей и имущества... организует охрану государственного и общественного имущества и личного имущества граждан, оставшегося без присмотра. х) оказывает содействие органам здравоохранения и ветеринарного надзора в проведении ими карантинных мероприятий при эпидемиях и эпизоотиях; ц) принимает меры к оказанию неотложной помощи лицам, пострадавшим от правонарушений и несчастных случаев... ч) обеспечивает сохранность найденных и сданных в милицию документов, вещей, ценностей и другого имущества; принимает меры к возврату их законным владельцам; ш) осуществляет совместно с органами здравоохранения надзор за соблюдением санитарных правил содержания улиц, дворов и других территорий населенных пунктов... щ) оказывает в необходимых случаях содействие медицинским работникам в неотложной госпитализации психически больных граждан, представляющих опасность для окружающих, а также наркоманов в случаях, предусмотренных законодательством. э) оказывает соответствующим органам содействие в осуществлении мер по охране и защите от загрязнения природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства» [7].

Объективно, комментарии к приведенному законодательному акту советского государства излишни. Обозначенные в постановлении должностные обязанности милиционеров, подтверждают тот факт, что милиция СССР, как и дореволюционная полиция, занималась разрешением огромного количества вопросов, в том числе и не имеющих прямого отношения к обеспечению безопасности населения. Работа милиционеров, больше подходящая под определение «административно – хозяйственная деятельность» отнимала у стражей порядка много времени и сил.

С момента образования суверенной России, вот уже 20 лет, продолжают дискуссии по проблеме совершенствования деятельности органов МВД. Существовавшая под старым советским названием, милиция РФ продолжала изменяться и модифицироваться. Рассмотрим изменения, произошедшие в новой милиции, на основании закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции». В соответствии с третьим разделом «Обязанности и права милиции» органам МВД предписывалось: «9) осуществлять государственный контроль и надзор за соблюдением правил, стандартов, технических норм и других нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения... 11) ... давать обязательные к исполнению предписания по устранению недостатков, выявленных в технической укомплектованности объектов, и обеспечению сохранности государственной и муниципальной собственности. 13) принимать при авариях, катастрофах, пожарах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных событиях неотложные меры по спасению людей и оказанию им первой медицинской помощи, а также по охране имущества, оставшегося без присмотра; участвовать в ... проведении карантинных мероприя-

тий во время эпидемий и эпизоотий. 21) обеспечивать сохранность найденных и сданных в милицию документов, вещей, ценностей и другого имущества, принимать меры по их возврату законным владельцам либо по реализации в установленном порядке. 22) ...наблюдать за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алкоголизмом или наркоманией, представляющими опасность для окружающих, в целях профилактики правонарушений. 23) оказывать содействие в пределах своих полномочий депутатам представительных органов государственной власти, органов местного самоуправления... 25) производить регистрацию средств цветного копирования, приобретаемых физическими и юридическими лицами, осуществлять контроль за соблюдением правил их учета, хранения и использования в порядке, определяемом Правительством РФ» [8].

По сравнению с советскими узаконениями, новый закон 1991 г., определенно, был освобожден от идеологических формулировок, но по внутреннему содержанию, включал в себя множество заимствований из законов советской эпохи. Однако избежать этого было невозможно, в силу того, что организация и деятельность милиции во многом продиктована базовыми положениями, на основании которых создавалось МВД в начале XIX века.

В настоящее время в Российской Федерации проводится крупномасштабная реформа МВД, начатая в соответствии с указом президента от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Как и планировалось, 7 февраля 2011 г. президентом был подписан Федеральный закон «О полиции». Вновь рассмотрим деятельность сотрудников МВД, на этот раз уже именуемых не милиционерами, а полицейскими.

По статье 12 главы 3, в обязанности полиции входит: «3) оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует. 4) выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний. 7) принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб; обеспечивать общественный порядок при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотий. 19) осуществлять государственный контроль (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения.... регулировать дорожное движение; принимать экзамены на право управления автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами и выдавать водительские удостоверения...» [9].

Новый закон четко отражает, что для полного служебного соответствия, от современного полицейского требуется готовность к выполнению самых разных задач. Например, как и милиционер РФ, полицейский должен быть способен оказать первую медицинскую помощь пострадавшим гражданам, уметь разьяснять законы, в определенной степени, являться спасателем, психологом и т.д.

Таким образом, в статье кратко рассмотрены элементы деятельности российской полиции и милиции. Анализируя историческую цепочку «Полиция Российской империи – милиция советского государства – милиция РФ – полиция РФ», становится ясно, что различия между полицией и милицией разных эпох – минимальны. Следовательно, революционные события 1917 г. не прервали путь развития полицейских структур России. Названия же изменялись лишь по идеологическим мотивам. По определению Ф. Энгельса: «Полиция также стара, как государство» [10]. Советская и российская милиция отличалась от полиции только названием, на практике же, она продолжала выполнять полицейские функции, в которые входило огромное количество административных и иных вопросов волнующих общество.

Следовательно, инициатива президента РФ Д. А. Медведева по переименованию российской милиции в полицию, являлась обоснованным решением не только с юридической, но и с исторической точки зрения.

Библиографический список

1. Горобцов, В. И. Российская полиция в мундире / В. И. Горобцов, С. О. Гонюхов: учебное пособие. – М., 2000. – С. 45.
2. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379.
3. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 39087.
4. См.: *Пайпс, Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 1993. – С. 426-427.
5. Большой энциклопедический словарь. – СПб., 1997. – С. 731.
6. Большая Советская Энциклопедия. – Т. 33. – М., 1955. – С. 596.
7. Постановление Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385 «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» // Свод законов СССР. – Т. 10. – М., 1986. – С. 236-247.
8. Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 22 апреля 1991 г. – №16. – Ст. 503.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета № 5401 от 8 февраля 2011 г.
10. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. – Сочинения. – Т. 16. – Ч. 1. – С. 97.

Статья поступила в редакцию 22.03.2012.

СУНГУРОВ Павел Александрович – аспирант, Тюменский государственный университет.

УДК 930.24

А. В. Видяева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ХУДОЖНИКОВ МОРДОВИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ 30-х гг. XX в.

В Мордовии политическим репрессиям 30-х гг. XX в. были подвергнуты разные слои населения. В данной статье мы рассмотрим, как складывались судьбы художников Мордовии. Немалую роль в их оклеветании сыграла печать.

Ключевые слова: «Красная Мордовия», творческая интеллигенция, революционная деятельность.

В Мордовии с 1932 г. шла планомерная работа по созданию Союза художников. Ее итогом стал съезд художников, который состоялся в ноябре 1937 г. Он объединил местных художников в единый творческий союз. На съезде впервые прозвучало заявление, что «враги народа» обнаружены и среди художников. Журналист В. Жаровский, освещавший работу съезда в газете «Красная Мордовия», писал: «Пренебрежительное отношение к самоучкам только на руку врагам, которые всячески стараются помешать росту и расцвету народных талантов, пытаются оторвать искусство от масс. Такую подлую работу вел в организации художников Мордовии ныне разоблаченный враг Детцов, его поддерживал исключенный из Союза Березин, их старательно защищал Хрымов, пробравшийся при содействии врагов народа в Академию художеств. Первый съезд художников Мордовии должен прежде всего распутать этот вражеский клубок и тщательно очиститься от всей нечисти» [1, с. 4]. Необоснованное обвинение в данной статье было брошено в адрес трех художников, которые сделали все возможное для того, чтобы изобразительное искусство пришло в широкие массы мордовского населения.

К моменту открытия съезда В. А. Детцов был арестован, а В. А. Березин и В. Д. Хрымов находились на свободе, но были лишены возможности участвовать в работе съезда. В выступлениях с трибуны съезда слышались выводы НКВД о том, что В. А. Детцов – «враг народа». Этим настроением пронизана и резолюция съезда: «Мы обещаем нашему дорогому и любимому учителю, товарищу Сталину бороться с врагами народа кистью, путем создания высокохудожественных картин о наших достижениях, о нашей радостной жизни» [2, с. 1].

Тоталитарный режим конца 30-х гг. прошлого века начал функционировать вопреки здравому смыслу, что проявлялось, в частности, в уничтожении людей, являющихся сторонниками советского образа жизни. Примером тому может служить осуждение и гибель в лагере Василия Андреевича Детцова, прослужившего более десяти лет красным командиром, а в 1930-ые гг. работавшего художником в Саранске, многолетнее преследование Виктора Александровича Березина, его арест и суд над ним. Это была плата ему за революционную деятельность при царизме, ссылку и эмиграцию, за то, что он первым в Мордовии в 1932 г. поставил вопрос о необходимости организации в Саранске студии-мастерской и создания Союза художников. Он многое сделал для того, чтобы эти предложения реализовались.

Репрессии против творческой интеллигенции в Мордовии, как и во всей стране, проходили под лозунгом борьбы со «шпионажем», «контрреволюционной деятельностью», «заговором», «подготовкой террористического акта против Сталина» и т.д. Если и были ошибки в творческой деятельности, то они рассматривались не иначе как под углом этих приговоров.

В Мордовии репрессии среди художников не носили столь массового характера, как, например, среди писателей. Это можно объяснить тем, что отряд художников был немногочисленным и оформился в творческий союз лишь в конце 1933 г. (Союз писателей Мордовии в 1934 г.). Вклад художников в культурное строительство тех лет был заметным явлением, но не столь значительным и весомым, как со стороны работников образования, науки и литературы. Поэтому художники нечасто попадали под «зоркое око» НКВД. Однако потеря каждого из них наносила трудновосполнимый урон делу становления художественной жизни молодой автономии.

В 1937-1938 гг. политическим репрессиям подверглись и работники артели «Художник», которая наряду с другими артелями, такими как «Кондитер», «Красный кожевник» и др., входила

ла в систему Мордовского разнопромсоюза. Артель в начале 30-х гг. располагалась на улице Красноармейской, а затем – на Красной. Она занималась оформлением города к праздничным дням, красных уголков на предприятиях и изб-читален в селах, выполняла таблички с номерами домов и названиями улиц, вывески для учреждений магазинов. Иногда выпадала и более «художественная» работа – тиражирование живописных и скульптурных портретов классиков марксизма-ленинизма, руководителей, партии и правительства, деятелей мирового коммунистического движения. В артели работали в основном художники-самоучки, но были среди них и профессионалы, имевшие специальное художественное образование. Это Н. Н. Сулиманов, приехавший в 1936 г. в Саранск из Белоруссии, С. А. Левин, до артели работавший учителем рисования в Ичалковском районе РМ. В 1935 году, после увольнения из НИИМК, в артель пришел В. А. Березин.

Передовая статья «Правды» от 22 июня 1936 г. зловеще обещала: «Тот, кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй, подорвать социалистическую собственность, кто замыслил покушение на неприкосновенность нашей родины – тот враг народа. Он не получит ни клочка бумаги, не перешагнет порога типографии, чтобы осуществить свой подлый замысел. Он не получит ни зала, ни комнаты, ни угла для того, чтобы внести устными словами отраву».

Журнал «Большевицкая печать» советовал настоятельно «еще и еще раз прощупать, нет ли среди редакционного коллектива, среди псевдорабкоров и в рядах авторского актива скрытых врагов, вроде «журналистов» Радеков и Сосновских, Роммов и Бухарцевых, Пикалей и Вернеров и прочих разоблаченных их мелких подручных. История последних лет борьбы с врагами народа знает не один факт настойчивых попыток проникнуть на идеологический участок и, в частности, в печать» [3, с. 57].

В апреле 1937 г. в газете «Красная Мордовия» была напечатана статья «Под маркой Художника», толчком для которой послужило письмо работника артели С. А. Самарина на имя редактора газеты. Как в письме, так позднее и в статье раскрывались недостатки в работе артели. Заканчивалась статья словами: «Руководители артели не говорят о недостатках. Хотя им о себе что сказать? Председатель Коптенюк только что отбыл тюремное заключение – сидел за растрату. Мастер – «художник» Жуков – бывший помещик. Два других «мастера» – Артемьев и Аверин – бывшие белогвардейские офицеры. В таких случаях о себе выгоднее помолчать...». Статья послужила своего рода доносом, по которому названные в статье люди брались на заметку НКВД. В июле арестовали Н. Г. Коптенюка, далее его жену – З. Г. Коптенюк, мастера этой же артели, затем и всех остальных, названных в статье. Не остался без внимания органов и сам правдоискатель – А. С. Самарин. Он был арестован 19 сентября 1937 г. за «антисоветскую деятельность». Основным вещественным доказательством его вины был карандашный, на котором карикатурно изображенный мужской профиль отдаленно напоминал Сталина.

На конец 1999 г. прокуратурой республики Мордовия (в лице прокуроров Ф. П. Сараева, В. В. Тимошкина, М. Н. Трemasкина, К. Г. Киселева Г. П. Кропоткина под общим руководством П. Е. Сенькина, государственного советника юстиции 2 класса) были реабилитированы, то есть признаны абсолютно невиновными, 9 380 жертв коммунистического террора против народа Мордовии. Их имена опубликованы в скорбном мортирологе жертв коммунистического террора «Память», изданном по решению правительства Мордовии в 2000 г.

Таким образом, репрессии затронули, прежде всего, тех, кто уже проявился как талантливая личность, отличался природным организаторским талантом, умел объединить вокруг себя и какой-либо идеи большие людские массы, был способен размышлять и сомневаться.

Библиографический список

1. *Жаровский, В.* Правдивее отображать нашу прекрасную жизнь / В. Жаровский // Красная Мордовия. – 1937. – 17 ноября. – С. 4.
2. Съезд художников закрылся // Красная Мордовия. – 1937. – 20 ноября. – С. 1.
3. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 57.

Статья поступила в редакцию 13.03.2012.

ВИДЯЕВА Анастасия Васильевна – аспирант кафедры Современной журналистики и общественного мнения, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

УДК 008:299(571.54)

Л. А. Мамедова

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУАНАРРОТИ – СКУЛЬПТОР ИЛИ ЖИВОПИСЕЦ?

Всякое произведение искусства возникает на перекрестье всеобщего и индивидуального. Его содержательные и эстетические качества обусловлены породившим его историческим временем, и чем значительнее это произведение, тем ярче и объективнее выражена в нем суть эпохи, которую оно представляет. Но тем сильнее на нем откладывается отпечаток личности самого художника. Ибо только в единстве реального исторического материала и его индивидуального творческого претворения рождается истинное художественное создание.

Ключевые слова: произведение искусства, Микеланджело, художник, художественная культура, скульптор, живописец.

*.... в искусстве свыше вдохновен,
над естеством художник торжествует...*

Художественная культура и крупная творческая личность – это сложный комплекс соотношений, в котором невозможно вывести единые, раз навсегда действующие правила. Тем более это относится к великим мастерам, творчество которых определяют целые эпохи.

Браманте, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, Джорджоне, Тициан, Палладио – таков перечень мастеров высшей одаренности, творивших в одной стране на протяжении всего лишь двух смежных поколений. В границах единой ренессансной культуры за каждым из этих имен стоит определенный круг обзоров, свой комплекс идей, своя художественная поэтика. Здесь нельзя говорить об очевидном перевесе художественной системы одного из названных мастеров над другими, поскольку каждый из них воплощает в своем искусстве некую принципиально неотъемлемую сторону в общей картине ренессансной культуры. И все-таки даже в таком окружении Микеланджело воспринимается как фигура особого порядка. Его выделяют среди современников редкая длительность творческого пути, охватывающего целых семь десятилетий и насыщенного драматической сменой многих этапов, всесторонний вклад в различные отрасли искусства. На протяжении всей своей жизни Микеланджело неизменно находился в авангарде общего художественного процесса как провозвестник и пролагатель новых путей [1].

Микеланджело – титан, недостижимая вершина, один из первых среди гениев Возрождения в пору его высшего расцвета. Микеланджело принадлежит к тем великим представителям мирового искусства, которые всегда вызывали интерес и приковывали к себе неослабное внимание исследователей [2].

Всякое крупное явление художественной культуры не остается чем-то застывшим, неизменным, донным раз навсегда – оно живет и меняется в процессе духовного развития человечества. Тем более это относится к Микеланджело-мастеру, искусство которого в движении исторических времен лишь возрастает в силе творческого воздействия, оставался насущно актуальным для каждого нового человеческого поколения.

Микеланджело является для человечества воплощением гениальности. И как всякий гений, он смело порывал с традициями, творил новые формы, как-будто не опираясь на опыт прошлого. Действительно, уже первые работы – «Мадонна у лестницы», «Битва кентавров» – свидетельствуют о совершенно новом подходе к миру, о новых стремлениях художника по

сравнению с его современниками. Этими первыми своими произведениями Микеланджело открывал эру Высокого Возрождения. И дальше, в течение своей долгой жизни он создавал новаторские произведения, эхо которых звучало в последующие столетия. Он явился творцом статуи, обладающей множеством точек зрения, он сумел передать в камне нарастание и спад движения, он разработал новые принципы композиции во фресковой живописи, и, наконец, открыл новый этап в мировом зодчестве. Так что великим новатором Микеланджело называют по праву. Микеланджело – гений, сумевший вдохнуть новую жизнь в античные образы.

Микеланджело проявил себя в полную силу своего гигантского дарования во всех видах пластических искусств – в скульптуре, живописи, графике и архитектуре, в каждом из них оставив вклад решающего порядка. В многосложном комплексе различных видов искусств, который скрывается за понятием «искусство Микеланджело», живопись занимает одно из главных и почетных мест. Ведь при всей многосторонности культуры Возрождения, становление и эволюция которой сопровождается расцветом всех отраслей пластических искусств, главным, магистральным искусством этого великого этапа была именно живопись.

Естественно, что художник такой творческой мощи и такой универсальности, как Микеланджело, вторгаясь в сферу живописи, не мог не затронуть некоторых центральных проблем этого искусства. А то, что живопись этой эпохи переживала в своем роде совершенно особый подъем, помимо других очевидных проявлений дало себя знать в одном примечательном факте: это был одновременный расцвет двух главных подразделений живописи – монументальной и станковой. Сказанное справедливо и в отношении многих отдельно взятых мастеров: вклад в ренессансное искусство Пьеро дела Франческа и Мантеньи, Леонардо и Рафаэля, Тинторетто и Веронезе равно значителен в обоих разделах. Ни одна другая эпоха не может в этом плане составить аналогию к Возрождению. Поэтому высшие результаты, достигнутые одновременно в обоих главных подразделениях живописи эпоху Возрождения, – не историческая случайность, а показатель чего-то очень важного.

Вначале постараемся установить, какое место занимала живопись и скульптура в искусстве Микеланджело.

Микеланджело видел свое истинное призвание в скульптуре: талант скульптора мужал от произведения к произведению. В давнем споре представителей итальянской художественной культуры о преимуществах одних видов пластических искусств над другими узловым теоретическим пунктом явилось выступление Бенедетто Варки в 1547 году во Флорентийской Академии и его письмо, направленное восьми известным художникам, с просьбой высказаться по вопросу – какое искусство выше, скульптура или живопись. Сам Микеланджело в своем ответном письме к Варки сообщает, что ему «всегда казалось, что скульптура – светоч живописи и что между ними та же разница, что между солнцем и луной». И хотя в том же письме Микеланджело, видимо, желая высказать уважение к адресату и к его позиции в этом вопросе, говорит, что теперь он переменяет свое мнение и согласен признать, что «живопись и скульптура это одно и то же». А другой участник опроса – Бенвенуто Челлини, который был явно вдохновлен творческими свершениями Микеланджело говорил, что «скульптура является матерью всех трех искусств, которые зависят от рисунка». Для Челлини, как и для Микеланджело, преимущество скульптуры над живописью определяется не как частное, а как всеобъемлющее превосходство, равно относящее к ее содержательному и художественному потенциалу и эстетическому воздействию [1, 3, 4].

Но на вопрос Варки были даны и другие ответы. В своем ответном письме Якопо Понтормо не стремится возвысить один вид искусства за счет другого. Подчеркивая глубокое внутреннее родство скульптуры и живописи из-за общности их исходной основы – искусства рисунка, Понтормо воздает скульптуре должное, высоко оценивая ее возможности, но все же превосходство видит за живописью. По убеждению Понтормо, «Микеланджело глубину своего рисунка и величие своего божественного гения мог показать не в своих достойных изумления скульптурных фигурах, а в своих изумительных живописных произведениях».

Вопрос о месте и роли живописи в искусстве Микеланджело очень сложен. Слава Микеланджело – живописца в веках мало уступала его славе скульптора. Прежде всего, отметим, что Микеланджело начал свой путь в искусстве не как скульптор, а как живописец. В мастерской Гирландайо, куда он был отдан с тринадцати лет, он получил первые навыки и сделал столь крупные успехи, что через год был переведен в художественную школу более высокого порядка в садах Медичи, в благоприятных условиях которой он сразу обратился к скульптуре, открыв свое главное призвание. Но творческий энтузиазм, сопровождавший это открытие, и увлеченность собранными в садах Медичи памятниками античной пластики не погасили его ин-

тереса к живописи. Она все время остается в поле его зрения, как видно из его рисунков, свидетельствующих о внимательном изучении великого наследия флорентийской живописи, в первую очередь ее монументальной ветви – фресок Джотто и Мазаччо. Даже в самом конце XV и первые годы XVI века, когда Микеланджело был занят такими крупными скульптурными работами, как римская «Пьета» и «Давид», а также другими ответственными начинаниями, его пристальное внимание к живописи не ослабевает. Очень глубокое впечатление на него произвел не дошедший до нашего времени картон Леонардо к «Святой Анне» (около 1500). Нужно особо отметить и то, что художественное свершение такого масштаба, как сикстинский плафон, было показателем выхода живописи на первый план в ренессансном искусстве и в творчестве самого Микеланджело [5]. С точки зрения работ ансамблевого характера живопись как ведущая форма художественного синтеза опередила в эти годы не только скульптуру, но даже и архитектуру, ибо в Сикстинской капелле и в ватиканских Станцах Микеланджело и Рафаэль создали новую архитектурную среду в старых постройках именно средствами живописи. Плафон Сикстинской капеллы он начал расписывать в тридцатитрехлетнем возрасте (1508) и закончил четыре года спустя (1512). В 1535 году он вернулся в Сикстинскую капеллу, чтобы создать «Страшный суд». Ему было тогда почти шестьдесят лет, и работа была завершена в 1541 году.

Путь Микеланджело – живописца завершается во фресках капеллы Паолины, произведении, которое в ряду его живописных созданий занимает место эпилога, подобно тому как в его скульптуре ими явились последние «Пьета» [6]. Фрески капеллы Паолины – уникальное явление в искусстве Средней Италии середины XVI века. В 1542 году он приступил к созданию фресок капеллы Паолина и закончил их в 1550 году в возрасте семидесяти пяти лет. Они не имеют ни аналогий, ни параллелей. Фрески Паолины – это развитое и самостоятельное произведение живописи, и, рассматривая их, зритель вряд ли сразу вспомнит, что автор этих созданий был также скульптором и архитектором.

Интерес к проблемам творческого метода Микеланджело, к многогранной стилистике его искусства был всегда высок. Эволюция Микеланджело, во всех проявлениях его творческой индивидуальности, теснейшим образом связана с ходом развития итальянского искусства, переменами, характерными для художественной культуры Италии. Общеизвестно место Микеланджело в системе развития не только итальянского, но и мирового искусства. Масштабы его творческой индивидуальности делают рискованным всякое сравнение с ним. Как сказал один из великих мастеров искусства, что «в настоящее время видят, что Микеланджело является величайшим из живописцев, который когда-либо был нам известен ..., и единственно потому, что все, что он делает в живописи, он выводит из самых продуманных скульптурных моделей».

Микеланджело прожил долгую жизнь, для его эпохи – очень долгую: почти девяносто лет. Жизнь его была полна событий, факты его личной биографии, человека и художника, сплелись с тяжелейшими годами жизни Италии. Многие годы жизни и труда; в течение всех этих лет Микеланджело работал как скульптор, живописец, архитектор.

*Я словно б мертв, но миру в утешенье
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и, значит, я не прах,
И смертное меня не тронет тленье.*

Микеланджело

Библиографический список

1. Ротенберг, Е. Микеланджело. Вопросы творческого метода / Е. Ротенберг. – М.: Искусство, 1978. – 176 с.
2. Либман, М. Микеланджело и неклассическое художественное наследие / М. Либман. – М.: Искусство, 1978.
3. Аникст, А. Четвертое призвание Микеланджело / Аникст А. – М.: Искусство», – 116 с.
4. Верман, К. История искусства всех времен и народов / К. Верман. – Т. 3. – М.: Просвещение, 1896.
5. Прусс, И. Росписи Сикстинской капеллы / Прусс И. // Художник. – 1975. – № 3.
6. Ротенберг, Е. Микеланджело. Капелла Паолины / Е. Ротенберг. – Творчество. – 1975. – № 3.

Статья поступила в редакцию 17.04.2012.

МАМЕДОВА Ляман Аслан кызы – преподаватель Нахчыванского государственного университета (Азербайджанская Республика).

УДК 330.16

Д. Р. Ярченко

ВЕРА В ЦЕННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Данная статья носит философско-антропологический характер и посвящена критике строго рационалистического подхода к аксиологической проблематике, который распространился среди западных мыслителей начиная с конца XIX столетия. Автор этого текста стремится показать, что именно вера в ценность, а не чистый разум позволяет обрести единство личности.

Ключевые слова: *ценность, вера, разум, темпоральность, переживание, единство личности, образец.*

На протяжении тысячелетий развития мировой мысли личность искала себя. Волновавшая еще досократиков проблема была прекрасно выражена И. Кантом в виде главного вопроса философии: что такое человек? Множество поколений обычных людей и лучшие умы в истории культуры сломали бесчисленное количество интеллектуальных копий о неприступные стены этой величайшей загадки. Предлагались самые разные варианты и способы поиска истины, но все их можно условно разделить на три части.

Начиная с первых ростков любознательности в Древней Греции, в осмыслении мира и действительности нашего существования преобладал так называемый онтологический подход. Исследователей волновали, прежде всего, характеристики бытия изучаемых предметов. В XVII же веке происходит гносеологический поворот в философии. И внимание познающего разума обращается внутрь самого себя, на мысль и сознание. Но односторонность этих интенций была замечена невооруженным глазом, поэтому уже ко второй половине девятнадцатого столетия появились серьезные попытки объединить их преимущества. «Пионерами» данного движения стали неокантианцы, которые, сохраняя базовые принципы субъективного идеализма Канта, старались несколько объективировать его учение за счет введения особого понимания ценности в качестве общезначимой «величины». Говоря о ступенях в иерархии ценностей, Г. Риккерт отмечает: «Но они должны быть пусты или формальны; иначе им не вознестись за пределы всякого исторически обусловленного содержания» [1, с. 371]. И они интерпретировали ее сугубо рационалистически.

Однако в следующем веке случилась крупнейшая гуманитарная катастрофа, в связи с которой произошел крах просвещенческого проекта. Ответом на случившиеся события стало резкая актуализация и переосмысление аксиологической проблематики. Хотя доверие к разуму в этом вопросе было довольно сильно подорвано, тем не менее, такие писатели, как М. Шелер, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и многие другие сохраняли рационалистическое толкование категории и мира ценностей. Даже в трудах известного немецкого религиозного экзистенциалиста К. Ясперса в применении к этой тематической области возникает концепт «философской веры», говорящий об определяющей роли – наряду с верой – разума в решении фундаментальных жизненных вопросов. Речь идет о вере, основанной на критических доводах разума. Именно последний, с точки зрения упомянутых авторов, является неотъемлемым фактором обретения единства Я. Вере же в рамках данных сентенций если и отводилась хоть какая-то роль, то она рассматривалась как неспособная существовать без опоры на рациональность. Эта статья посвящена стремлению развенчать односторонность подобных воззрений и реабилитировать посредством анализа понятия ценности значение веры в становлении целостной личности.

Итак, каждый из нас живет в процессе перманентного изменения. Причиной чему служит темпоральность человеческого существования. Но, несмотря на это, говоря о себе, мы в большинстве случаев подразумеваем некое единство, именуемое личностью, Я, субъектом, индивидом... Благодаря чему такое возможно? Для выхода за пределы пустого становления необходима незыблемая, постоянная опора. В качестве нее антропосу служит система ценностей. Под ценностью мы будем понимать – в самом широком смысле – переживаемую значимость. Данная интерпретация нередко встречается в исследовательской литературе.

Одной из важнейших характеристик ценности является ее способность служить образцом. Следовательно, ценность стабильна, неизменна – независимо от ее конкретного содержания.

ния. Хотя все ценности можно подразделить на абсолютные и относительные, последние, имея, в отличие от первых, возможность изменяться, тем не менее, во всякий момент столкновения с переживающим сознанием выступают неподвижными ориентирами. Иначе существование относительных ценностей в качестве образца – то есть, собственно ценностей – было бы невысказанным.

Значит, именно ценность связывает воедино временность человеческой жизни. Абсолютная ценность вообще находится вне всякой темпоральности, благодаря чему ее можно применить к любым частным моментам и всему нашему существованию в целом. Релятивная же ценность, с нашей точки зрения, в зависимости от конкретной ситуации, наличествует в одном из двух «регистров»: а) как минимум, она имеет прямое отношение к настоящему (поскольку ценность, вызывая у субъекта переживание, всегда актуальна) и будущему (потому что ценность в качестве образца ориентирует антропоса на некую перспективу соответствия идеалу), а также косвенное – к прошлому (если последнее осознается как прошлое той личности, которая через настоящее и будущее связана с данной ценностью); б) как максимум, помимо настоящего и будущего, релятивная ценность непосредственно отсылает к прошлому (в том случае, если она возникла в прошлом).

Итак, обосновав идею о том, что целостность человеческого существования детерминирована отношением к ценности, мы должны понять, в какой форме реализуется последнее. Выше было отмечено, что философская традиция двадцатого столетия «делала ставку» преимущественно на рациональность. Однако чистый разум имеет аналитическую природу. Принцип его работы фундируется отделением от чувственной непосредственности и – соответственно – разрывом существования Я. То есть, рационально «переживать» ценность нельзя. Рацио помогает лишь осознать ее. Его роль сугубо инструментальна и носит промежуточный характер.

Переживание ценности, придающее жизни личности целостность, единство, проявляется в рамках веры. Причем, последний термин употребляется здесь в самом широком смысле и не сводится к исключительно религиозному контексту. Под верой я подразумеваю «духовную способность человеческой души непосредственно знать сокровенные слои бытия («естины»), мистически пребывать в средоточии познаваемого предмета и интуитивно постигать сущности» [2, с. 100]. Из представленной дефиниции становится ясно, что вера синтезирует осознание ценности с переживанием. Иными словами, вера онтологически богаче чистой рациональности, потому что заимствует у разума способность осознания, которую посредством нивелирования аналитичности соединяет с несоединимым в рамках рацио – ценностным переживанием.

Таким образом, в противовес позиции упомянутых нами мыслителей и, прежде всего, Карла Ясперса, мы обосновали точку зрения о том, что вера в ценность не нуждается в постоянной опоре на доводы разума, вполне самодостаточна и обеспечивает возможность обретения единства личности.

Библиографический список

1. Современный философский словарь. – М., 2004.
2. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998.

Статья поступила в редакцию 24.03.2012.

ЯРЧЕНКО Дмитрий Русланович – ассистент кафедры Истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

УДК 101.1

А. В. Гукова, П. И. Григоренко

ОТ КИНИЗМА К ЦИНИЗМУ

Статья посвящена проблеме цинизма и его влиянию на развитие современного общества. Представлена точка зрения П. Слотердайка на происхождение современного цинизма и пути его преодоления. Так же проводится историческая параллель между кинизмом и цинизмом и отмечается их историческая взаимосвязь.

Ключевые слова: цинизм, кинизм, просвещенное ложное сознание, переоценка ценностей, диффузный феномен, массовое сознание.

Философия не может существовать в отрыве от процессов, происходящих в обществе, она не может быть оторвана от политики, культуры и повседневного образа жизни людей. Философия всегда являлась индикатором общественных процессов, а значит, она не может не замечать происходящих в современном обществе изменений. Плюрализм мировоззрений, существующих в современном обществе, таит в себе много опасностей, поскольку злоупотребление теми свободами, которые он дает. Это может выражаться в пренебрежении общечеловеческими ценностями, неприятие морали и любого авторитета и, в конечном итоге, это может вылиться в цинизм.

Цинизм – отрицание любых существующих ценностей. Данный феномен представляет определенную опасность для общества, поскольку постулируемая им «переоценка ценностей» подразумевает отказ от тех способов организации общественной жизни и культуры, которые были выработаны человечеством на протяжении нескольких тысячелетий. При этом цинизм не предлагает иных вариантов развития, он представляет собой критику, но критику, лишённую желания что-либо изменить, поскольку цинизм уверен, что общество не может быть иным.

На протяжении нескольких тысячелетий цинизм показывал себя открыто и развернуто, выражаясь в определенных философских учениях. Однако сейчас цинизм имеет размытые границы, не позволяя локализовать его в конкретной области философии или общества, становясь «диффузным феноменом». Цинизм трансформируется в состояние сознания, которое попросту невозможно подвергнуть критике, поскольку оно выходит за рамки традиционных представлений об идеологии.

П. Слотердаjk, автор работы «Критика цинического разума» считает цинизм следствием неудачи Просвещения и, тем самым, записывает в циники почти все человечество. «Специфический дух современного цинизма имеет более глубокую и принципиальную основу: его природа коренится в самой конституции большого Просвещением сознания, которое, набравшись исторического опыта, отвергает всякого рода дешёвый оптимизм» [1, с. 35].

Что же позволяет философу выдвигать подобный тезис? Прежде всего, П. Слотердаjk считает ошибочным противопоставление обыденного и просвещенного сознания, которое привело к развитию двух противоположных систем ценностей. Духовным, гуманистическим ценностям была противопоставлена шкала потребительских ценностей, столкновение которых в сознании и порождает цинизм. «Цинизм – просвещенное ложное сознание» [1, с. 33]. Таким образом, позицию П. Слотердаjка можно сформулировать в следующем тезисе. Цинизм – это феномен расколотого сознания, сознания, воспринявшего установки просвещения и гуманистические представления, но не желающего им следовать исходя из собственных потребительских соображений. Цинизм – феномен нового, актуального сознания, порожденного этим расколом. Отметим, что цинизм современности является «приспособленчеством» («инстинктом самосохранения»), продиктованным необходимостью следовать установкам Просвещения.

Возможность преодоления цинизма П. Слотердаjk видит в возрождении античного кинизма, предтече современного цинизма, в котором еще существует потребность в интеллектуальном усилии, которая утрачивается в современной его форме.

Кинизм предполагает иной способ аргументации, идущий от действительности и нивелирующий разрыв между знанием и телом. В кинизме телесность связана с познанием, он преодолевает разрыв между «чистым», теоретическим знанием и жизнью, в то время как цинизм не

желает его преодолевать, являясь лишь следствием этого разрыва. Кинизм, в отличие от цинизма, характеризуется единичностью, поскольку фигура киника всегда являлась чем-то редким и выдающимся, тогда как цинизм – явление массового сознания. Абсолютизация крайностей кинизма, заключающихся в отрицании требований культуры, моральных норм и права привели к негативизации кинизма и появлению цинизма.

Проблема цинизма все больше приобретает актуальность в современном обществе, его массовое распространение представляет опасность для ценностно-мировоззренческих установок и дальнейшего общественного прогресса.

Библиографический список

1. *Слотердаjk, П.* Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.

2. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.

Статья поступила в редакцию 30.04.2012.

ГУКОВА Ангелина Валерьевна – студент философского факультета, Томский государственный университет.

ГРИГОРЕНКО Полина Ивановна – студент философского факультета, Томский государственный университет.

УДК 140.8

П. И. Григоренко, А. В. Гукова

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье приведен анализ феномена отчуждения. Представлено краткое изложение понимания отчуждения в различные исторические эпохи. Приводится анализ данного феномена Гербертом Маркузе. Делается вывод о необходимости дальнейшей разработки темы.

Ключевые слова: отчуждение, «ложные» потребности, одномерный человек, одномерное мышление, идентификация, Великий Отказ.

Проблема отчуждения в социальной философии является традиционной. Хотя эта проблема существовала во все времена, в настоящее время она приобретает все большую актуальность. Как в прошлом, так и в настоящем отчуждение является неизбежным фактом человеческого существования. Поэтому для того, чтобы понять, в чем заключается проблема отчуждения, недостаточно одного сухого определения – каждая эпоха понимала отчуждение по – своему.

Принято считать, что истоки ее уходят еще в начало начал – Древнюю Грецию – и связаны с именами Аристотеля, Цицерона, философов эллинистического периода, Плотина, где само понятие «отчуждение» еще не сформировано, но уже явно присутствует и связано с пониманием человека в его попытке осмыслить себя как часть космоса. В Средневековье эта проблема связана с именами Оригена, А. Аврелия и Ф. Аквинского. Причиной отчуждения в это время виделись взаимоотношения человека с Богом, а также дуализм, связанный с отрывом человека от единства с Богом. Возрождение связывало отчуждение с соединением в человеке природного и божественного начала, а Новое время в лице Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо впервые рассматривает отчуждение в качестве общественного феномена, связывая его с взаимоотношениями человека и государства. Немецкая классическая философия разрабатывает проблему отчуждения в диалектическом понимании. Так, отчуждение понималось как исторический процесс в качестве объективного и субъективного действия, представляющего результат деятельности человека внутри сферы его существования и опосредующего также и ее устройство. К. Маркс также внес серьезный вклад в понимание отчуждения, связав этот феномен с отношением собственности и труда. Вслед за ним представители Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе) видели социальность этого понятия и изучали его в контексте индустриального общества и тоталитарных политических режимов. Также XX век в понимании проблемы отчуждения связан с такими именами, как З. Фрейд, Э. Фромм (психоаналитическое понимание), с фигурами экзистенциалистов (отчуждение как чувство экзистенциальной заброшенности), с М. Хайдеггером, А. Швейцером, и многими другими.

Как можно заметить, несмотря на некую общность, трактовки феномена отчуждения все же очень сильно разнятся, и не представляется возможным их объединение в единое определение. Отсутствие однозначности в понимании не случайно, ведь понятия всегда рассматриваются в рамках культуры и времени написания.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотрение феномена отчуждения с позиции одного философа, и для нас будет более интересен взгляд современного нам автора, ведь его понимание, очевидно, можно будет отнести к современной нам действительности.

В XX-XXI веках, характеризующихся плюрализмом, также не сложилось единого понимания отчуждения. Так, выделяется несколько пониманий этого феномена – одной из наиболее всеобщих классификаций будет разделение на экономическое, политическое, социальное и духовное отчуждение [См.: 1, Ч. 1, тема 5]. Нас будет интересовать социальное понимание отчуждения. В качестве примера возьмем трактовку Герберта Маркузе, немецкого и американского философа и социолога, представителя Франкфуртской школы. Понятие отчуждения он анализирует в работах «Эрос и цивилизация» [2] и «Одномерный человек» [3]. Поскольку эти работы несколько отличаются друг от друга, мы будем ориентироваться на более поздний труд – «Од-

номерный человек», в котором, как видится, представлено окончательное мнение философа. Следует отметить, что Маркузе отталкивается от понимания отчуждения Марксом.

В своей критической теории общества Маркузе отвергает рациональность как основу общества. Рациональность присутствует только в форме политического господства, которое всегда выражено контролем, направленным на внешнее проявление человека, на его труд.

Этот контроль, по мнению Маркузе, выражен также в навязывании ложных потребностей: «"Ложными" являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость» [3, с. 6], и далее: «В результате – эйфория в условиях несчастья» [3, с. 7]. Эти потребности связаны с материальным удовлетворением, тело и его потребности становятся самодостаточной целью.

Такой путь ведет к понятию одномерного человека: «Как следствие, возникает модель *одномерного мышления и поведения*, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений (*its quantitative extension*)» [3, с. 16], т.е. такого человека, который нужен обществу (при этом такое состояние не означает отмирания спиритуалистских, метафизических и богемных установок, они – церемониальная часть практического бихевиоризма предписания). В такой одномерности Маркузе находит положительные моменты (потенциальная и реальная возможность общества удовлетворить потребности), но основной акцент он делает на негативном аспекте: «Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, – т.е. если они поддерживают отчуждение» [3, с. 10-11] – здесь мы видим, что само понятие отчуждения Маркузе связывает с контролем. В таком обществе свободны не люди, которые должны реализовывать интенции общества, но свободно само общество. Происходит повсеместная солидаризация людей, которые служат «на благо общества», причем любой запрос может быть оправдан социальной необходимостью. Желание удовлетворить «ложные» потребности и понимание возможности этого с помощью общества приводит к извращенному пониманию ценностей и самого бытия человека. Так, пишет Маркузе, «понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И эта идентификация – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия», иными словами, отождествление себя со своими потребностями уже можно назвать идентификацией. Такая идентификация приводит к одномерному мышлению, которое все то индивидуальное, что только есть в человеке, пытается подстроить в систему, которая и «доводит» человека до этой идентификации.

Человек оказывается замкнутым в порочный круг: удовлетворяя свои потребности, он подпитывает общество, которое рождает новые «ложные» потребности, которые в свою очередь побуждают человека еще усерднее трудиться для этого общества и так далее, и так далее. Каков же выход из этого круга? Маркузе видит путь преодоления такого контроля в осознании истинной природы человека и его потребностей. Но как возможно это осознание? Один из путей – это искусство, но и оно не свободно от категории отчуждения. Проблему возможности противостояния сложившейся системы сам Маркузе четко понимает и обозначает ее как несовместимость имеющих место характеристик, «что развитое индустриальное общество обладает способностью сдерживать качественные перемены в поддающемся предвидению будущем» [3, с. XVIII], и «существуют силы и тенденции, которые могут положить конец этому сдерживанию и взорвать общество» [Там же]. Несмотря на то, что Маркузе говорит о потенциальной возможности революционного характера изменений общества и на весь пессимистичный вектор его критики общества, он видит в современном мире достаточность ресурсов этого преобразования. Сдерживаемые обществом, люди должны осознать необходимость перемен.

Такое осознание связано с понятием «Великого Отказа», которое Маркузе вводит для обозначения протеста и тотального отрицания всех существующих и регламентированных ценностей и запретов. Ответственность за этот отказ Маркузе возлагает на маргиналов, являющихся с точки зрения общества неполноценными его членами. Инициатива построения нового общества должна принадлежать аутсайдерам (которые есть и в таком прочном обществе), интеллигенции, а также студентам (в отличие от того же Маркса Маркузе считал пролетариат самым поработанным классом, наименее всего способным на изменение общества). Возвращение к

индивидуальности, к свободе – вот единственное спасение от отчуждения, навязываемого обществом.

Таково понимание феномена отчуждения и возможности его преодоления Маркузе. Те характеристики, которые Маркузе указывает в современном обществе, имеют место быть, и с точки зрения интерпретации философа, феномен отчуждения в действительности имеет перво-степенную важность.

Вопрос о путях преодоления отчуждения остается открытым – сам Маркузе не дает конкретного плана действий, «"одномерный человек" ставит больше вопросов, чем дает ответов» [3, с. IX]. Однако видится возможным сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения феномена отчуждения и разработки пути его преодоления в связи с пониманием адекватности поставленной Маркузе проблемой.

Библиографический список

1. *Минюшев, Ф. И.* Социальная антропология (курс лекций) / Ф. И. Минюшев. – М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997. – 192 с.
2. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – Киев.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. – 313 с.
3. *Маркузе, Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: «REFL-book», 1994. – 368 с.

Статья поступила в редакцию 30.04.2012.

ГРИГОРЕНКО Полина Ивановна – студент философского факультета, Томский государственный университет.

ГУКОВА Ангелина Валерьевна – студент философского факультета, Томский государственный университет.

«АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО»: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Статья посвящена выявлению смысловых доминант в авторском дискурсе и актуализации проблемы понимания текста. Основной задачей работы является реконструкция авторского замысла и определение семантических связей.

Ключевые слова: *концепт, концептологический ряд, авторский дискурс, бинарная оппозиция, лексема, частотность.*

Статья Петра Яковлевича Чаадаева «Апология сумасшедшего» – это сжатый и емкий анализ мыслей, которые автор высказал по поводу резко отрицательной реакции общества и власти на его «Философические письма». Буря негодования, главным образом, со стороны общества, грозившая уничтожить автора, нашла поддержку у власти. В результате, как мы знаем П. Я. Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим. Горькие мысли по этому поводу, высказанные непонятым философом, сводились к тому, что «здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл, что не в людской толпе рождается истина, что ее нельзя выразить числом» [3, с. 135].

Петр Яковлевич начинает «Апологию», обращаясь к самому себе: «Итак, будем все терпеть, всему верить, все переносить, – будем милосердны» [там же]. То есть, несмотря на все беды, которые принесли непонимание и осуждение окружения, он любит этих людей так, как когда-то говорил апостол Павел.

Чаадаев предлагает свое понимание патриотизма. Иными словами мы имеем два концепта «патриотизм» в пределах одного языка, имеющих один денотат, но разные ценностные характеристики и способы выражения. Под термином «концепт» мы предлагаем понимать основную единицу смысла, а не содержания, что не совсем одно и то же и что аппроксимирует символ [2, с. 58]. Иными словами, данный термин мы рассматриваем в лингвокультурном, а не когнитивистском понимании. В этом случае определяющей стороной концепта является его ценностная составляющая [1, с. 129].

Долгое время считалось верным и достаточным идея философии Запада о естественных, данных при рождении правах любого человека. Но при этом отсутствует стремление человека к самосовершенствованию. А это привело к пониманию большей части общества в роли массы безликих индивидов.

Слова *здравый смысл, истина, народ (толпа)*, как видим, становятся ключевыми в тексте. Однако, взывающий истины философ идет за нею не в народ и не там ее стяжает, что и вызывает взрыв негодования в обществе. «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. <...> Любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо» [3, с. 134].

Становится очевидным, что ценности безумного философа лежат не на земле, а парят в воздухе. Иными словами, это христианские ценности, носителем которых наш народ (как впрочем, и никакой другой) не является. Однако это откровение оказывается весьма болезненным и горьким для обывательского менталитета, вскормленного идеей народа – богоносца. Концептологический ряд продолжают лексемы *родина, небо, любовь*, формируя тему патриотизма в понимании «сумасшедшего» философа. «Я не научился любить с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами» [3, с. 143], что наводит нас на понимание концепта «свобода». Таким образом, патриотизм Чаадаева немыслим без свободы.

Активно анализируется в тексте бинарная оппозиция *Восток-Запад*, генерирующая новые смысловые приращения. Восток, в понимании П. Я. Чаадаева, предстает не носителем старины и косности, а «родиной науки и всех глубоких вещей». В свою очередь Запад является носителем новых идей – идей просвещения и открытого знания. «Мы имеем пока только пат-

риотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением» [3, с. 145].

В целом, одним из наиболее актуальных для П. Я. Чаадаева лексических единиц является слово идея, что делает всю речь «сумасшедшего» автора очень концептологичной [1, с. 100-109]. Очередными концептами авторского дискурса являются *власть, почва, воля*: «Просмотрите от начала до конца наши летописи, – вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти никогда не встретите проявлений общественной воли» [3, с. 146]. Здесь мы видим сближение П. Я. Чаадаева с идеями славянофилов.

Использование лексико-семантического анализа при рассмотрении пространственно-временных, нравственных и социальных отношений на материале «Апологии» привело к следующим выводам.

В результате лексико-семантического анализа текста было выделено 4922 лексических единицы. Частотность употребления различных частей речи в данных текстах можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица

Анализ употребления различных частей речи по частотности

Всего лексем	Из них имен существительных	Местоимений	Прилагательных и причастий	Глаголов	Служебных слов
4922	1095	699	675	607	1088
100%	22%	14%	13,7%	12%	22%

Как видно из представленной таблицы наибольшие частотные группы языка исследуемого текста составляют имена существительные и служебные части речи. Первые, обладая значением отвлеченной предметности придают тексту обобщенно философический характер: *папство, рыцарство, человечество, партийность, народность, ученость, патриотизм*. Вторые создают иллюзию значимости. На самом деле большое количество служебных слов, на наш взгляд, объясняется обилием сложных сочинительных и подчинительных связей, причастных и деепричастных оборотов. Несмотря на это, текст синтаксически безукоризненно согласован, лексически разнообразен и легко читается. Высокая информативность и обилие заимствований (*прогресс, эмансипация, ретроспективная утопия*) – результат взаимодействия различных кодовых систем, что говорит в пользу глубокой эрудиции автора и делает его весьма актуальным в наше время.

Анализ частотности ключевых категорий выявил их этнокультурную значимость: *Восток-Запад, правительство-народ (=толпа), отечество, патриотизм, любовь, судьба, цивилизация*.

Вместе с тем все эти категории выражают не одно, а несколько значений, что и делает их образными языковыми средствами.

Восток-Запад: 1) два разных понятия, образующих в паре смысловое напряжение и в то же время органичную смысловую связь; 2) условная смысловая конструкция, выработанная культурологической мыслью человечества для первичной типологии мировой культуры; 3) парная категория, выражающая дихотомию поляризованного целого всемирной культуры, поэтому она одновременно характеризует и амбивалентное единство культуры человечества. [4]

Любовь: 1) отношение к кому-либо или чему-либо как безусловно ценному, объединение и соединенность с кем (чем) воспринимается как благо, т.е. одна из высших ценностей; 2) чувство, свойственное человеку, глубокая, самоотверженная привязанность к другому человеку или объекту, чувство глубокой симпатии. [5]

Отечество 1) обозначает страну предков (отцов) человека, а также часто имеет эмоциональный подтекст, подразумевающий, что некоторые испытывают к отечеству особое, сакральное чувство, которое сочетает любовь и чувство долга (патриотизм); 2) родная страна. [5]

Цивилизация 1) социальная форма движения материи, обеспечивающая её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой; 2) единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли); 3) стадия всемирно исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности [5].

Среди языковых средств «Апологии» видим стилистически окрашенные слова, создающие не только образное значение, но и оценочный эффект (близорукий самоед, человечество как большая река, коварно ласкала).

Использование большинства глаголов в изъявительном наклонении (добивался, завещал, приобрела, рассматривали) говорят о возможностях, которые, по мнению автора, Россия упустила.

Значительную семантическую роль выполняют и знаки препинания, в частности вопросительный знак. Петр Яковлевич использует вопросительное предложение как способ изложить переживания за Родину и как стилистический прием, чтобы заострить внимание на важной ему мысли («...что еще может делать правительство, одушевленное самыми лучшими намерениями, как не следовать тому, что оно искренне считает серьезным желаньем страны?»). Создается впечатление, что автор обращается непосредственно к читателю, чтобы воздействовать на его чувства и умозаключения.

Таким образом, анализ текста «Апология сумасшедшего» позволяет выявить концептологическую картину в русской лингвокультуре первой половины XIX и соотнести ее с днем сегодняшним.

Библиографический список

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность концепты дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Крячко, В. Б. Имя и именуемое / В. Б. Крячко // Вопросы филологических наук. – 2011. – № 6. – С. 57-60.
3. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1987. – 367 с.
4. Электронный ресурс: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/346.
5. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

Статья поступила в редакцию 26.03.2012.

СКРЯБИНА Екатерина Сергеевна – студент, Волгоградский государственный технический университет (Волжский политехнический институт (филиал)).

Информация для авторов

Журнал «Новый университет» выходит в форме ежемесячного альманаха в сериях:

- **Экономика и право.**
- **Актуальные проблемы гуманитарных наук и общественных наук.**
- **Вопросы естественных наук.**
- **Технические науки.**

К публикации принимаются статьи студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также всех исследователей, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997-2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- возраст (если статья подается в рубрику для молодых ученых «Свежий взгляд»),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- ученая степень, ученое звание,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название серии альманаха, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: ujourn@gmail.com.

Мы ждем Ваших статей! Удачи!